МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск 109

II

ГОРЬКИЙ,
1971

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск 109

II

ГОРЬКИЙ,
1971

Печатается по решению редакционно-издательского совета ГГУ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е. В. Кузнецов,
Е. Д. Воробьева,
Э. П. Телегина,
Н. П. Соколов (отв. редактор)
И. В. Фадеева

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В АНГЛИИ КОНЦА XIV — НАЧАЛА XV ВВ. И ДВИЖЕНИЕ ЛОЛЛАРДОВ

Е. В. Кузнецов

В начале 1401 г. парламент принял статут «О сожжении еритиков» [1]. Новый закон вскоре нашел практическое применение: 5 марта в пламени костра оборвалась жизнь капеллана из западного Норфолка Уильяма Соутри [2]. Следовало ожидать, что воинствующие инквизиторы архиепископа Эрундела при содействии королевской администрации в краткий срок учинят разгром еретических общин, созданных «бедными священниками». Однако ничего подобного не случилось. «В течение нескольких следующих лет некоторое количество преследований за ересь имело место... Но никакой энергичной атаки на партию лоллардов не было произведено» [3].

Только в конце 1407 года Эрундел рискнул начать наступление на последователей Виклифа в Оксфордском универси-

---

[1] SR, II, p. 341—42.

[2] У. Соутри впервые отвечал перед судом порического диоцеза в 1399 году. Процесс завершился его публичным отречением в городе Бишопс Линне и соседнем местечке Тилни. В 1401 году его дело, как человека, повторно впавшего в ересь, слушала конвокация кентерберийского диоцеза. Первое судебное заседание состоялось 12 февраля. 19 февраля приговор о передаче У. Соутри в руки светских властей был вынесен, а 26 февраля король дал согласие на его публичное сожжение.—FZ, p. 408—410; Foxe, III, p. 220—225; Wilkins, III, p. 254—260.

[3] G. M. Trevelyan, England in the Age of Wycliffe, Third edition, London, 1900, p. 334.

тете [1]. Второе и последнее сожжение в первую декаду XV столетия на территории Англии произошло весной 1410 года. Погиб ивесхемский портной Джон Бэдби [2]. Беспощадные церковно-государственные репрессии обрушились на продолжателей Виклифа только после провала заговора Джона Олдкасла [3]. Больше того, существует целая цепь фактов, свидетельствующих об активности продолжателей Виклифа в этот отрезок времени. Здесь и дискуссия в Оксфордском университете о полезности для христианина чтения «священного писания» на родном языке [4], и многократные требования секуляризации церковных земель в парламенте [5], и даже проповедь на площади столичного кафедрального собора [6].

Д. М. Тревельян предполагает, что король и прелаты церкви не решались со всей силой обрушиться на лоллардов, так как боялись «рыцарей графств и других могущественных покровителей еретиков» [7]. Что же побуждало рыцарей и других «могущественных» людей оказывать покровительство «бедным священникам» в первые годы XV столетия?. Ответа на этот вопрос Тревельян не дает. Нет его и в более поздних исследованиях по истории лоллардов. Чтобы его найти, надлежит обратиться к тем политическим событиям, которые переживала Англия конца XIV — начала XV вв., и попытаться найти в них феномены, стимулировавшие активность лоллардов и препятствовавшие подготовляемым ударам их врагов.

---

[1] Конвокация по поводу деятельности еретиков в Оксфордском университете началась 24 ноября 1407 г. Полностью овладеть положением в университете католическим прелатам удалось лишь к концу 1411 г., когда папа лишил университетскую корпорацию большинства ее привилегий. — H. Rashdal. The Universities of Europe in the Middle Ages, vol. III, London, 1936, p. 130—135.

[2] Foxe, III, p. 235—236.

[3] Особенно с момента принятия лейстерским парламентом в марте 1414 г. «Statutum contra Lollardos», возлагавшего инициативу в преследовании виклифитов на королевскую администрацию и суд.

[4] Диспут в Оксфорде произошел в 1405 г. В связи с ним еретики выпустили несколько трактатов. Среди них трактат Пэрви «Against hem that sayn that hooli wright schulde not or may not be drawun into English...». — M. Deansly. The Lollard Bible and other Medieval Biblical Versions, Cam., 1920, App. II, p. 437 ff. См. также «A Lollard Tract: on Translating the Bible into English», ed. C. F. Bühler, Medium Aevum, vol. VII, (1938), No. 3.

[5] Призывы к секуляризации раздавались в 1404, 1406 гг. В 1410 г. парламент обсуждал так называемый «лоллардистский билль».

[6] С проповедью в 1406 году выступил У. Тэйлор. — M. Deansly, The Lollard Bible..., p. 292.

[7] G. M. Trevelyan, op. cit., p. 334.

В 1399 г. был свергнут с престола последний Плантагенет Ричард II. Его место занял другой внук чадолюбивого Эдуарда III, младший двоюродный брат Ричарда — Генрих, прозванный по месту рождения Болингброком. Сын герцога Ланкастерского Джона открыл период правления в Англии новой династии, по имени почетного титула его отца названной Ланкастерской. Династическому перевороту способствовали не столько личные достоинства Генриха Ланкастера, сколько крупные политические промахи его соперника.[1].

Стремясь установить самодержавную власть в стране, Ричард II не ограничился расправами с богатейшими аристократами[2].

Начиная с парламентской сессии, состоявшейся в начале 1397 г., королевская власть проводит одно законодательное мероприятие за другим против влияния сословно-представительных учреждений на функционирование государственного и придворного аппаратов, отталкивая тем самым от себя социальные слои, на поддержку которых можно было рассчитывать в столкновении с баронскими верхами — низшее и среднее дворянство, а также горожан, 5 февраля 1398 г. парламент принял закон, карающий, как государственного изменника, всякого, кто осмелится побуждать общины парламента вмешиваться в дела королевского двора.

Осенняя сессия 1397 г. открылась проповедью канцлера Эдуарда Стаффорда, епископа Экзетера, о том, что «власть короля неограниченна и совершенна по своей сути»[3]. На четы-

---

[1] Непримиримыми врагами сделали этих двух «великих» людей Англии два акта правящего монарха: изгнание Генриха Болингброка из Англии (сентябрь 1398 г.) и последовавшая вскоре затем конфискация казной родовых владений ланкастерского герцога (февраль 1399 г.) после смерти отца Генриха — Джона Гентского. — Froissart, p. 481; Gregory, p. 99; Stow, p. 515.

[2] Среди подвергнутых репрессиям: дядя короля герцог Глостер Томас, прозванный по месту рождения Вудстоком (умер при «загадочных» обстоятельствах); два представителя дома Эрунделов — граф Эрундел Ричард (казнен по приговору парламента осенью 1397 г.) и его младший брат Томас, архиепископ Кентербери (изгнан из страны, пост архиепископа получен Рожер Уолден, «Keeper of King's Signet»); Томас Бьючемп, граф Уорвик; Томас Моубрей — герцог Норфолка; рыцари Томас де Мортимер и Джона Чейни; Джон, лорд Кобхем и др. — Froissart, p. 477; Brut, p. 351—353; Julius, p. 101; Stow, p. 509 ff.

[3] Stow, p. 509.

рехдневной сессии в Шрусбери (начало 1398 г.) были утверждены, как правильные, все ответы судей, заседавших в Ноттингеме в 1387 г. Завершая свою работу, депутаты шрусберийского парламента передали свои полномочия комитету из двенадцати лордов и шести представителей палаты общин [1]. Наконец, прямым вызовом существующему закону и привилегиям парламента явилась передача статутов на утверждение в Рим [2].

Решительно наступая на привилегии парламента, советники Ричарда II не забывали и о местном аппарате. Здесь главную опору своей самодержавной политики они надеялись найти среди шерифов. Прежние, пусть и не очень представительные, выборы были заменены королевским назначением [3].

Первое подобное назначение произошло в сентябре 1397 г.[4]. В 1398 г. в нарушение принятого порядка король продлил их полномочия еще на год [5]. Кроме того, в различные графства систематически направлялись комиссии, призванные максимально усилить контроль центральной власти за положением на местах. С шерифов и других чиновников брались клятвы, что они выполнят любые распоряжения монарха — даже без канцлерской или «малой печати» [6]. Введение новых административных порядков сопровождалось усилением полицейского террора и шпионажа (privie espiaes) [7].

Естественно, что подобная политика не могла не встретить сопротивления со стороны дворянства и торгово-ремесленной верхушки городов, которые весьма ценили свои «свободы» и «привилегии», — тем более, что подобные законодательные и административные меры служили средством для резкого увеличения налогообложения населения.

Финансовая политика правительства Ричарда II в 1397—1398 гг. граничит с безумием. Очевидно, ослепленный своими успехами на фронте борьбы со знатью, он был уверен, что все

---

[1] J. Gairdner, The Houses..., p. 48.

[2] ChL, p. 82—3. Позднее это станет одним из главных пунктов обвинительного заключения, которое послужило основанием для лишения власти Ричарда II. — Julius, p. 29, 36; Grafton, p. 474.

[3] A. Steel, Richard II, p. 255.

[4] Julius, p. 32.

[5] В обвинительном акте против Ричарда II указывается, что некоторые шерифы занимали их посты два, другие — три года подряд. — Julius, p. 32.

[6] «... Etiam litteris illis directis sub signeto suo». — HA, II, p. 231, Julius, p. 32; Grafton, p. 473.

[7] Julius, p. 33; Grafton, p. 474. См. также A. Steel, Richard II, p. 255—6.

сойдет ему с рук. Его уже не удовлетворяли полторы обычных субсидии, предоставленные парламентом в Шрусбери.

Семнадцать восточных графств Англии были объявлены соучастниками государственных преступлений Глостера, Эрундела и Уорвика и на их население — клириков, светских лордов и «persones mediocres» [1] — были наложены высокие штрафы [2]. Нередко брались принудительные займы.

Э. Стил, лучший знаток финансовой политики тех лет, определяет округленно сумму собранных благодаря штрафам денег в 12.869, а неуплаченных займов в 18.000 ф. ст.[3] Ричард II отнюдь не торопился их возвращать [4].

Беспрецедентным в финансово-административной практике феодальной Англии было введение так называемых «blank charters» [5].

Торгово-ремесленные корпорации Лондона [6] и других городов, дворяне в графствах ставили свои печати на «пустых бланках», подтверждая тем самым любое финансовое распоряжение, которое было бы угодно произвести по отношению к ним королевским чиновникам [7].

Подобный политический авантюризм не могли поддерживать ни дворянство, ни горожане. От таких «безумных» мероприятий Ричарда II поспешили отмежеваться и многие из осыпанных его милостями аристократов. То, что он покинул весной 1399 г. [8] Англию, чтобы расправиться с взбунтовавши-

---

[1] Несколькими строками ниже Уолсингем вместо «средних людей» употребляет другую характеристику: «простонародье» (commune vulgus). — HA, II, p. 230.

[2] Это решение принято 24 сентября 1398 г. (день св. Михаила). — Stow, p. 515. Уолсингем говорит об «importabiles summas pecuniae», которые были взяты в качестве доброхотных пожертвований ради снискания милости короля (p. 231).

[3] A. Steel, The Receipt, p. 117—20, note I. Вероятно, это очень «осторожная» цифра. Дж. Стау (p. 515) говорит о том, что некоторые лица платили по 1000 ф. ст. Лондонцы заплатили 10000 ф. ст. (ChL, p. 83).

[4] Большие займы производились казначейством в 1396 г. Эта практика продолжалась и в следующие два года, но в отличие от прошлых лет чиновники короля прекратили по ним уплату: «pecunias illas sic matuatas resolveret termino limitato: quas nunquam postea reddidit creditoribus supradictis». — HA, II, p. 230; Julius, p. 32.

[5] HA, II, p. 231; Brut, p. 356; Julius, p. 34; Stow, p. 515.

[6] Анонимный лондонский хронист рассказывает, как старшины гильдий и цехов приходили в Гильдхолл, чтобы поставить печати своих корпораций под «blank charters» — ChL, p. 83.

[7] К сожалению, Э. Стилу, который внимательно изучал архивы казначейства, не удалось здесь обнаружить «blank charters» и, следовательно, как-то уточнить те данные хроник, которыми мы располагаем. — A. Steel, The Receipt, p. 17—8.

[8] Армия Ричарда II на 200 кораблях прибыла в последний день мая в Уотерфорд. — Stow, p. 516.

мися ирландскими кланами[1], только облегчило задачу складывавшегося заговора[2]. Против первого английского самодержца объединились три политические силы: многочисленные приверженцы ланкастерского дома и поверженных триумвиров — Вудстока, Эрундела и Уорвика, лондонские горожане[3] и могущественные лорды английского севера.

В конце июня на берег Йоркшира возле Рейвенспура высадился небольшой отряд. Его возглавил Генрих Болингброк. Вместе с ним в Англию прибыл сын казненного графа Эрундела Томас и отставной кентерберийский архиепископ Томас Эрундел[4]. Ему удалось запастись папской грамотой, даровавшей отпущение грехов всем, кто будет помогать наследнику герцога Ланкастера[5]. Их сопровождал небольшой отряд наемных солдат[6]. В первые же дни похода по английской земле отряд стал расти за счет волонтеров из числа «retainders» ланкастерского герцогства[7]. А вскоре договор, подписанный в Донкастере[8] с «королями севера» — семействами Перси и Невилей, отдал в распоряжение главы ланкастерского дома и Эрунделей все вооруженные силы, которыми располагали пограничные с Шотландией графства. Огромное по тем временам

---

[1] Восставшие ирландцы убили графа Рожера Мортимера. Среди их вождей выделялся Макмур, «очень сильный человек». — Stow, p. 516.

[2] Тем более, что во главе правительства Англии остался такой малонадежный союзник, как герцорг Йорк, а его помощниками — снискавшие всеобщую ненависть Бэши, Бэгот и Грин. — HA, p. 231—3; Stow, p. 515—6.

[3] Фруассар особенно выделяет роль лондонских горожан. По его мнению, армия Генриха Болингброка, наступавшая на Бристоль, состояла главным образом из столичных жителей (p. 491—2). Несомненно, в этих суждениях — некоторая доля преувеличения. Однако факты активной помощи лондонских горожан заговорщикам приводят и другие хронисты. Сообщается, в частности, что лондонский мерсер Уильям Скот помог бежать в Париж Томасу Эрунделу — младшему сыну и наследнику Ричарда, графа Эрундела. — ChL, p. 84; CrCh, p. 50.

[4] HA, II, p. 232; Brut, p. 358.

[5] Stow, p. 517.

[6] HA, II, p. 232.

[7] Один из хронистов отмечает: «многие люди тотчас примкнули к нему» (Генриху). — Brut, p. 357.

[8] Условия донкастерского договора в деталях неизвестны. Хардинг указывает, что Генрих Болингброк обещал не претендовать на захват трона (Hardyng, p. 356—7). Несомненно, однако, что если даже вопрос о лишении королевских регалий Ричарда II не был решен здесь положительно, участники собрания договорились определенно об устранении его от управления государством посредством создания регентского совета по образцу того, который функционировал в 1386—89 гг. Подробно о договоре в Донкастере см. E. F. Jacob, The Fifteenth Century..., p. 4.

ополчение[1], собранное мятежными феодалами, двинулось на юг. Лондон и дворянство восточных графств выступили в их поддержку[2], и советники Ричарда II оказались вынужденными искать спасения за стенами Бристоля[3]. Впрочем, тщетно. Совет крупнейшего города западной Англии открыл ворота перед армией, возглавлявшейся Генрихом Болингброком. Уильям Скроуп, Джон Бэши, Генрих Грин оказались выданными их врагам и потеряли свои головы[4]. В столичном районе толпа лондонских горожан атаковала Вестминстер. Были схвачены укрывшиеся здесь советники Ричарда II и среди них декан королевской капеллы Джон Слэйк[5]. Захват Бристоля баронской армией и Вестминстера лондонскими горожанами означал ликвидацию власти Ричарда II в Англии. Попытки его сторонников, особенно — Джона Монтегю, графа Солсбери, наладить сопротивление на западе, опираясь на ополчение дворян Чешира и сев. Уэльса, успеха не имели[6].

Не изменило положения дел в стране и запоздалое возвращение Ричарда II[7]. Оставленный своими сторонниками, он был вынужден сдаться на милость победителя[8]. 20 августа 1399 года[9] его доставили во Флинт, где остановился со своей армией Генрих Ланкастер.

Борьба продолжалась 47 дней. Результатами ее победитель сумел распорядиться наилучшим для себя образом.

---

[1] Хронисты говорят о 30—36 тысячах. — Stow, p. 517.

[2] Это, несомненно, явилось для правительства Ричарда расплатой за «blank charters» и обвинение 17 восточных графств в измене.

[3] У Уолсингема мы читаем: «Названные же никчемные советники Джон Бэши, Уильям Бэгот, Генрих Грин с казначеем Уильямом Скроупом, поняв, что общины желают присоединиться к герцогу Ланкастеру, оставив охрану и управление государством, бежали поспешно в крепость Бристоль» (p. 233).

[4] Julius, p. 41—2; HA, II, p. 233; Stow, p. 517. Удалось бежать лишь Бэготу (II, p. 233).

[5] Julius, p. 43—44.

[6] Он собрал в Конвее, если верить Стау, 40000 человек, но непредвиденная задержка короля в Ирландии и приближение армии Генриха Болинброка внесли сумятицу в ряды ополчения, и оно распалось столь же быстро, как и собралось (p. 517). Дружина Генриха Деспенсера, епископа Норича, сложила оружие еще раньше, в июле 1399 г. — HE, p. 152.

[7] Он высадился в Милфорде — западный берег Уэльса. Но его отряд не только не получил подкреплений, но и большинство прибывших из Ирландии солдат дезертировало (Stow, p. 518).

[8] Это случилось в крепости Конвэй. — HA, II, p. 234; Stow, p. 518—20.

[9] HA, II, p. 234. Стау называет другое число — 22 августа (p. 521).

29 сентября Ричард II был вынужден согласиться на отречение от престола. 30 сентября собравшиеся «по подобию парламента» (propter factum parlamentum) в Вестминстере лорды, лондонские горожане и другие представители сословий, приняв обвинительный акт против Ричарда II, провозгласили королем Генриха Болингброка, и «тогда архиепископ Кентербери, взяв его под правую руку, с помощью архиепископа Йоркского посадил его на королевский трон (posuit eum in sede regali) под аплодисменты всех собравшихся (universo populo applaudente)» [1].

13 октября произошла коронация, и собравшийся на следующий день парламент подкрепил своим авторитетом совершившийся династический переворот. На троне Англии место Плантагенетов заняла их младшая ветвь — ланкастерский дом.

Смена династии не привела к стабилизации политической жизни страны. Наоборот, в ближайшие годы кризис приобрел еще большую остроту. В Уэльсе вспыхивает мощное народное восстание под руководством местного мелкопоместного дворянина Оуэна Глэндоуэра [2]. Оно продолжалось свыше десяти лет и охватило сначала север [4], а потом и южную часть Валлийского полуострова [5]. В 1402 г. в плен к валлийцам попал член королевского дома Эдмунд Мортимер.

Непрерывные военные рейды валлийцев держали в напряжении всю западную часть Англии вплоть до реки Северн и заставляли все время содержать здесь значительные вооруженные заслоны. Походы королевских армий в глубь Уэльса вследствие избранной валлийцами партизанской тактики успеха не приносили [6]. Лишь ценой напряжения всех государственных ресурсов удалось потушить этот опасный мятеж. Затяжная война с валлийцами неблагоприятно влияла на

---

[1] О событиях 29—30 сентября и тех юридических основаниях, которые позволили Генриху Ланкастеру стать королем, см. HA, II, p. 236—7; Julius, p. 43—6; Stow, p. 521—2; Usk, p. 31—2; G. Lapsley, The Parliamentary Title of Henry IV (EHR, 1934, XLIX, p. 423—49); B. Wilkinson, The Deposition of Richard II and Accession of Henry IV (EHR, 1939, LIV, p. 220 ff.).

[2] Восстание вспыхнуло в 1400 г. (Gregory, p. 102; HA, II, p. 246; GrFr, p. 9; Davies, p. 22—3).

[3] Твердыня Оуэна Глэндоуэра Харлех пала в 1409 г.

[4] О. Глэндоуэр стал хозяином сев. части Уэльса, не считая нескольких приморских крепостей, уже в 1401 г. — A. G. Bradley, Own Glendwr and the last struggle for Welsh independence, L., 1882, p. 135.

[5] Восстание распространилось на юг Уэльса в 1402—1403 гг. — A. G. Bradley, Own Glendwr..., p. 190 ff.

[6] Генрих IV четырежды лично водил армию в Уэльс в 1400—1402 гг. — J. Ramsay, Lancaster...., I, p. 46.

международное положение Англии[1]. Оно облегчало задачу враждебным ланкастерской династии силам внутри страны. А то, что врагов у Генриха IV оставалось немало и они вовсе не считали совершившийся династический переворот необратимым, ясно показали уже первые месяцы его правления. Первыми выступили магнаты разгромленной партии Ричарда II. Не только верноподданические чувства побуждали их на борьбу с «узурпатором трона». Ланкастерская группировка лишила их большей части тех приобретений, которые они сделали в последние годы правления свергнутого короля[2]. Три «бывших герцога» возглавили так называемый рождественский заговор: Джон и Томас Голенды и Эдуард, сын герцога Йорка[3]. К ним примкнули граф Солсбери Джон Монтегю, Томас Деспенсер[4] и несколько рыцарей[5].

Путч, имевший целью в рождественскую ночь захватить Генриха IV в Виндзорском замке, провалился[6]. Оба Голенда, Монтегю и немалое число их приверженцев были убиты в вооруженной стычке и казнены в Сиренчестере, куда они бежали из Виндзора[7]. Другие окончили дни на плахе в Оксфорде и Бристоле[8]. Как соучастник заговора был обвинен один из надежнейших соратников свергнутого монарха, лишенный ланкастерцами епископского сана, — Томас Мерк. Генрих IV милостиво сохранил ему жизнь[9]. О волнениях в Чешире, про-

---

[1] Глэндоуэру активно помогала Франция. В 1405 г. контингент французских войск вместе с валлийцами участвовал в походе на Глостер. — Wavrin, p. 89—92. Междуусобицы в Англии позволили шотландским феодалам более смело атаковать ее северные графства. Их походы имели место в 1399, 1402 гг. — HA, II, p. 242, 251, Stow, p. 525. В 1403 г. французы ограбили Плимут и захватили, хотя и на короткий срок, о. Уайт. — HA, II, p. 260; Stow, p. 534.

[2] Д. Стау прямо указывает на конфискацию тех земель, которые были пожалованы Ричардом II (p. 524).

[3] Они соответственно получили от Ричарда II титулы герцогов Серри, Экзетера. Олбемерла. См. обвинительное заключение в хронике Уолсингема (II, p. 241—2).

[4] Th. le Spencer (или de Spencer) был пожалован Ричардом II титул графа Глостера.

[5] Томас Блаунт, Томас Витрелл, Лэнби, Бенедикт Сили, Джон Шелли, Бернар Брокейс. — Stow, p. 525; CPR, 1399—1401, p. 30; GrCh, p. 83—4.

[6] Их выдал Эдуард, сообщивший о готовящемся нападении своему отцу — герцогу Йорку. Тот немедленно передал эту «ценную» информацию королю. — Stow, p. 525.

[7] Brut, p. 546—7; Julius, p. 60.

[8] Стау сообщает, что в Оксфорде было казнено 26 человек (p. 525—6). Анонимный лондонский хронист говорит о 27 обезглавленных (ChL, p. 86).

[9] «Episcopus Karleolensis, impetitus est de conjuratione; damnatus est, sed vitae Regis misericordia reservatus». — HA, II, p. 245; CPR, 1399—1401, p. 318; PO, I, p. 42, 109.

исходивших в 1400 г., говорят, хотя и глухо, протоколы Тайного совета [1].

Прошло немногим больше года, и вновь на страницах хроник появляются сообщения об устной и письменной «клевете» [2] в адрес царствующего монарха и еще более «злых кознях» против его персоны. В последних активное участие принимали приор монастыря в Лаун Уолтер Бэлдок [3] и монахи-францисканцы [4], а главная роль в предстоящем путче должна была принадлежать рыцарю Рожеру Клерингтону, незаконнорожденному сыну Черного принца [5]. Появление этой «царственной» особы во главе заговорщиков нетрудно объяснить: Ричард II был уже мертв [6]. Тюремщики нового короля поторопились избавить его от опасного соперника.

В 1403 г. произошел раскол в рядах союзников Генриха IV. Против него выступило могущественное семейство Перси и его многочисленные вассалы. Правители севера страны сочли, что плата, полученная ими от короля, несоразмерна с теми «великими услугами», которые они оказали ему в годы борьбы за трон [7] и при защите Англии от валлийцев Глэндоуэра и шот-

---

[1] PO, I, p. 42, 109.

[2] Stow, p. 531. Хронисты сообщают нам о восьми «grey friars», участвовавших в заговоре. — Hall, p. 267; Brut, p. 362; Grafton, p. 488; HA, II, p. 249. Среди них мы встречаем докторов теологи. — GrCh, p. 84.

[3] «Подметные письма», обличавшие короля, широко циркулировали в различных местах Англии весной 1401 г. Одним из людей, порочащих короля, был Кларк, уроженец Чешира, писец в Вестминстере. Он был подвергнут лютой казни. — J. Ramsay, Lancaster, I, p. 55.

[4] Walterus de Baldok, prior de Lawne (HA, II, p. 249); prior Launde (ChL, p. 87); prior of Lande (Julius, p. 62—3).

[5] См. о нем GrCh, p. 84.

[6] О смерти Ричарда II существует не одна версия. Наиболее правдоподобна та, которую приводит Стау: «... бывшего короля уморили голодом в крепости Помфрет в начале 1400 г.». — Stow, p. 526. О его смерти в Помфрет в начале XV в. сообщает и Уолсингем (p. 245—6). См. также Hall, p. 20 — 1; Grafton, p. 472, 484.

[7] Трудно судить о всех наградах, которые получили Перси в 1399 г. от Генриха IV. Известно, что в 1399 г. граф Нортумберленд получил остров Мэн. — Stow, p. 524. Одним из первых актов Генриха IV был тот, который производил этого шестидесятилетнего старца в констебли Англии. Позднее он становится хранителем западных границ (West Marches) с Шотландией (жалование — 1300 ф. ст. в мирное время, 6000 ф. ст. при наличии военных действий). Его сын был одарен еще более щедро. Он получил посты хранителя восточно-шотландской границы с ежегодным жалованием 3000 ф. ст. в дни мира и 12000 ф. ст. в военное время, верховного судьи Чешира, Флинта и сев. Уэльса, коменданта крепостей Честер, Флинт, Карнарвон, Бамбург. В состав его фьефа вошли остров Энглси и крепость Бьюмерис, кроме того, дом Перси получил опеку над двумя третями имений Рожера Мортимера. Наличными деньгами казначейство уплатило им с 1399 г. по 1403 г. (по расчетам Дж. Рамзея) 41750 ф. ст. (Lancaster, I, p. 57). См. CPR, 1399—1401, p. 27, 28, 37, 49, 58 etc.

ландских феодалов[1]. В ожесточенной битве при Шрусбери 21 июля армия мятежных баронов была разгромлена. Ее руководители Томас Перси, граф Вустер и его племянник Генрих Перси, «Горячие шпоры», погибли[2]. Украсив головами захваченных в плен командиров мятежников стены Шрусбери, удачливый монарх двинулся в Чешир[3]. Графство было подвергнуто жестокому ограблению. Отсюда войско повернуло к Йорку. Никто из дворян севера не оказал ему сопротивления. Старший Генрих Перси, граф Нортумберленд, опоздал примкнуть к своим родственникам и вынужден был распустить армию и просить пощады у Генриха IV[4].

Даже после этой победы положение Генриха IV Ланкастера оставалось непрочным. Летописцы тех дней сообщают о заговорах с целью возвращения трона свергнутому монарху. Слухи о том, что Ричард II жив и скрывается за шотландской границей, начали циркулировать среди английского населения еще в 1402 г.[5]. В 1403—4 гг. они оказались широко распространенными. Слуги Генриха IV схватили некого Уильяма Серла, одного из придворных свергнутого монарха. У него была отобрана личная печать Ричарда II. В распространении писем от имени Ричарда II принимала участие и престарелая графиня Оксфорд, мать Роберта де Вера[6]. Листовки, в которых говорилось о скором возвращении свергнутого короля, появлялись и позднее — вплоть до 1407 г.[7].

Не исключено, что агенты английской знати совместно с

---

[1] Отказ короля выдать требуемые Генрихом Перси-младшим деньги для уплаты солдатам, сражавшимся под командой Перси в 1402 г. против шотландцев и валлийцев, послужил поводом к восстанию баронов (Brut, p. 548). Важным «личным» мотивом их выступления был отказ Генриха IV выкупить Эдмунда Мортимера, попавшего в плен к валлийцам, сестра которого Елизавета была замужем за Перси-младшим. — ChL, p. 267; Hall, p. 78; Grafton, p. 457.

[2] Первый — на плахе, второй — на поле брани. — HA, II, p. 258; Davies, p. 28; Stow, p. 457.

[3] Чеширцы составляли костяк армии Перси. Поэтому после сражения у Шрусбери Генрих IV постарался отомстить им. Победители забрали из Чешира все, что «можно было увезти» (couth be carye). — Brut, p. 549.

[4] Генрих Перси-старший был арестован в Йорке. Суд над ним состоялся в Лондоне. Парламент, разбиравший его дело, вынес ему оправдательный вердикт. — HA, II, p. 258, 260; Stow, p. 534.

[5] Такие слухи распространялись в Норфолке (App, p. 135), Кембридже (Davies, p. 23—26), Лейстере, Личфилде (App, p. 136). Все привлеченные к ответственности являлись членами ордена миноритов.

[6] Серл был казнен. Графиня отправлена в заточение. — HA, II, p. 263—4; Davies, p. 30; Brut, p. 365—6; ChL, p. 88.

[7] Уолсингем повествует о том, что человек, распространявший листовки в Лондоне в 1407 г., был задержан и казнен, однако не называет его имени (p. 276). Вероятно, он являлся одним из агентов Перси и Бердолфа, готовившихся к тому, чтобы пересечь шотландскую границу.

шотландскими феодалами, которые не прочь были использовать в своих интересах распри среди правящего класса соседней державы, готовили самозванца [1].

Интриги шли также в поддержку династических прав дома покойного наместника Ирландии Рожера Мортимера [2]. В 1405 г. [3] вдова погибшего в 1400 г. участника «рождественского заговора» Констанция Деспенсер [4] пыталась организовать побег, но неудачно, Эдмунда и Рожера, детей графа Марча Рожера в Уэльс к своему дяде Эдмунду [5]. Накануне казни [6] она назвала Эдуарда Йорка, своего брата, в качестве соучастника [7]. Это привело к его аресту и временному поражению в правах. Однако обвинения оказались неподтвержденными, и в 1406 г. парламент вернул ему титул и имущество [8].

Весной 1405 г. возник самый большой и опасный заговор. В нем участвовали Джон Моубрей [9], Генрих Перси и архиепископ Йоркский Ричард Скроуп. Первого толкнуло на участие в заговоре лишение нескольких фамильных привилегий, в частности очень выгодной должности лорда-маршала. Скроупа и Перси звала на месть кровь казненных родственников. Они нашли поддержку среди жителей северной столицы Англии, у значительной части феодалов Йоркшира и смежных графств, заключили союз с Глэндоуэром и его пленником Э. Мортимером [10].

Умелые действия нового лорда-маршала графа Вестмор-

---

[1] Davies, p. 30.

[2] Эдмунд Мортимер, граф Марч (1351—81), отец Рожера (1374—98) и Эдмунда-младшего, был женат на Филиппе, единственной дочери и наследнице Лионеля, третьего сына Эдуарда III. Поскольку Джон Гентский являлся лишь четвертым сыном чадообильного Эдуарда III, то возможно было говорить о преимущественных правах на корону потомков Мортимера и Филиппы по сравнению с ланкастерским домом.

[3] HA, II, p. 268.

[4] Она являлась сестрой Эдуарда, герцога Йорка, в прошлом графа Ретленда и герцога Олбемерла, после смерти отца, принявшего герцогский титул. Эдмунд Йорк умер в 1401 г.

[5] Он был взят в плен Глэндоуэром в 1402 г., женился на его дочери и интриговал из Уэльса против Генриха Ланкастера.—PO, II, p. 59; Usk, p. 75.

[6] Казнена в Бристоле. — Stow, p. 539.

[7] Stow, p. 539. То, что йоркский дом поддерживал Мортимеров, вполне понятно. Анна Мортимер, дочь Рожера, графа Марча, была замужем за Ричардом, сыном Эдуарда Йорка, отцом будущего главы йоркской партии в 40—50 гг. XV столетия.

[8] Stow, p. 539, 542.

[9] Davies, p. 31. Джон Моубрей — сын и наследник изгнанного из Англии на 100 лет Джона Моубрея, герцога Норфолка, умершего в 1400 г. в Венеции.

[10] Среди их сторонников мы видим лордов Бердолфа (HA, II, p. 269), Фокенбриджа, Гастингса (Grafton, p. 496) и рыцаря Пламптона (Davies, p. 31). См. также PO, II, p. 104; Hardyng, p. 35.

ленда Ролфа Невиля и быстрое прибытие в Йоркшир королевской дружины расстроили планы заговорщиков[1]. Моубрей, Скроуп, Гастингс, Пламптон и некоторые другие участники неудавшегося путча лишились своих голов[2]. Перси и Бердолф бежали к шотландцам, купив их помощь сдачей крепости Бервик[3].

Во вторую половину второго пятилетия XV в. намечается перелом. Молодой принц Уэльса (будущий Генрих V) успешно теснит валлийцев, в плен к английским каперам попадает наследник шотландского престола Яков, что побуждает его отца Роберта отказаться от двусмысленной игры с английскими путчистами[4]. Лишенные гостеприимства в Шотландии Перси и Бердолф с небольшой группой приверженцев и малочисленной дружиной вторглись на территорию Англии. 18 февраля 1408 г. они погибли в бою у Бренхем Мур[5]. Эта победа является вехой, знаменующей собой полную победу Генриха IV над теми магнатскими группировками, которые мечтали заменить на королевском троне ланкастерский дом более приемлемым для них кандидатом. Но зато возникли напряженные отношения между старым окружением короля и той бароннской молодежью, которая толпилась при дворе его удачливого в военных предприятиях сына[6].

Конфликт между ними принял весьма острые формы в 1412 г.[7]. Важной его причиной было стремление наследника престола еще при жизни отца установить полный контроль над государственным аппаратом путем раздачи должностей лицам

---

[1] Ролфу Невилю удалось захватить обманным путем Моубрея и архиепископа. Действия остальных были нейтрализованы королем.— HA, II, p. 269—70; Davies, p. 33—4; Grafton, p. 496; Brut, p. 366; PO, I, p. 259, 264.

[2] Трое первых были казнены в Йорке, остальные в Дэреме. — Stow, p. 542.

[3] Генриху IV удалось отбить крепость весной с помощью доставленных туда пушек. — App, p. 140.

[4] В 1406 г.—Stow, p. 542.

[5] HA, II, p. 278; Julius, p. 62; Davies, p. 34.

[6] Генрих-младший опирался на поддержку епископа, будущего кардинала, Генриха Бьюфорта и его брата Томаса, ставшего адмиралом моря. В 1410 г. им удалось добиться устранения престарелого архиепископа Эрундела с поста канцлера. Сторонники уэльского принца заняли несколько наиболее ответственных постов в государстве. Однако в первых числах января 1412 г. Генрих IV вновь возвращает на капитанский мостик своих старых друзей во главе с архиепископом Эрунделом. Подробно об этом E. F. Jacob, Henry V, p. 30—33.

[7] Слухи о размолвке между отцом и сыном были широко распространены. Многие хронисты описывают, как происходило посещение умирающего короля его наследником, завершившееся их примирением. Критический обзор сообщений современников об этой распре в королевском доме дан Стау (p. 522). Сравни также E. F. Jacob, Henry V, p. 34.

своего двора. Они придерживались также различной внешнеполитической ориентации: Генрих IV и его старый советник Эрундел заключили в мае 1412 г. союз с партией Арманьяков во Франции. Окружение принца настаивало на поддержке боровшейся за господство над Францией с Арманьяками бургундской партии[1]. Интриги, которые плелись вокруг постели медленно угасавшего Генриха IV, дали пищу для взаимных обвинений в покушении на его жизнь среди членов королевской семьи[2].

Война с Уэльсом, стоившая свыше 30000 ф. ст. в год[3], внутренние усобицы, рейды французских и шотландских грабителей не могли не дезорганизовать государственное хозяйство. На протяжении всего правления первого Ланкастера казна испытывала постоянный недостаток средств. Правительство было вынуждено прибегать к займам гораздо чаще и брать их на большую сумму, чем советники Ричарда II в годы его самостоятельного правления[4]. Как и в 70 гг. XIV в., возрастают финансовые требования к парламенту. С 1401 по 1411 гг. было собрано восемь обычных субсидий (36000 ф. ст. каждая) и две чрезвычайных «aids»[5].

Значительные поборы собирались с церковных имуществ[6]. В качестве дополнительного источника дохода короны чиновники шли на такие экстраординарные меры, как сокращение штатов и расходов королевского двора[7], к прекращению выплаты пенсий[8], попыткам ревизии всех пожалований короны за

[1] О внешнеполитических разногласиях между Генрихом IV и его сыном подробнее других пишет сентолбенский хронист. — ACh, p. 65.

[2] В частности, в 20 гг. XV в. подобные обвинения выдвигались герцогом Глостером против кардинала Бьюфорта. — Julius, p. 82—3.

[3] Дж. Рамзей авторитетно утверждает, что на жалование армии в 1403 г. ежемесячно тратилось 2.625 ф. ст. (Lancaster, I, p. 56).

[4] В 1377—1389 гг. долги казначейства выражались в сумме, равной 156000 ф. ст., в 1389—1399 гг. — 64000 ф. ст. (из них 80% взяты за последние 3 года). При Генрихе IV они равнялись 117000 ф. ст. — A. Steel, The Receipt, p. 141—2.

[5] Весной 1404 г. парламент вотировал королю налог в форме одного шил. с каждого фунта стерлингов земельной ренты. Лендлорд, получавший свыше 500 марок ренты, платил по 20 шил. с каждых 20 ф. ст. дополнительно. В 1411 г. короне было пожаловано 6 шил. 8 пенсов с каждых 20 ф. ст. ренты. Суммарное выражение этих экстраординарных субсидий нам неизвестно. Хронисты отмечают, что первая из них была тяжелой.—Stow, p. 534.

[6] Кентерберийская эпархия дала десять с половиной десятин с принадлежащей ей движимостью. Каждая десятина — 14500 ф. ст. Йоркская— шесть с половиной (одна десятина — 1400 ф. ст.) — J. Ramsay, Lancaster, I, p. 152. В 1404 г. была дана десятая часть доходов с бенефициев, приносивших свыше 5 ф. ст. ренты в год. — Wilkins, III, p. 280.

[7] Парламент дважды добился подобных мер, в 1404 г. — RP, III p. 572—3, 524, 530.

[8] Решение о временной задержке выплаты пенсий принял парламент, состоявшийся в начале 1404 г. — RP, III, p. 523, 547—9.

время правления Ричарда II и последнего десятилетия царствования Эдуарда III[1] и перечеканке монеты[2]. Однако, невзирая на все усилия чиновников финансового ведомства, доходы короны в годы правления Генриха IV были на целых 25% ниже, чем при его предшественнике[3]. Говоря о причинах этого явления, М. Постан обращает внимание на сокращение внешней торговли. Э. Стил считает, что оно явилось результатом дезорганизации финансово-административного управления в центре и на местах[4].

Несомненно, временная потеря западной части королевства[5] также не могла не уменьшить доходов, причем на значительную сумму[6]. Неудачи в политике ланкастерской партии, захватившей власть, скоро лишили ее той активной поддержки среди дворян и горожан, которая обеспечила ей быструю победу над Ричардом II. Еще в 1400 г. горожане Лондона[7] и Сиренчестера[8] своими активными действиями способствовали поражению «рождественского заговора», однако в 1401 г. народ начал роптать «против Генриха» и относился к нему плохо, так как «он брал его добро и не платил за него. Потому (народ) просил вернуть (на трон) Ричарда»[9].

Хроника, которую мы цитируем, составлена в Кенте и, вероятнее всего, отражает настроение, царившее среди «влиятельных слоев» города и деревни этой части страны. Уместно указать, что в 1401 г. был возобновлен сбор парламентских субсидий. Что касается принудительных займов казначейства и заготовок продуктов питания агентами королевского двора, то их тяготы население ощутило еще раньше[10].

[1] Осень 1404 г.—RP, III, p. 547—9.

[2] Перечеканка золотой и серебряной монеты начата была в 1411 г.— RP, III, p. 658.

[3] A. Steel, The Receipt, p. 412 ff. Соответственно 120000 и 90000 ф. ст.

[4] Ib., p. 106—7.

[5] То, что казначейство перестало получать доходы от Уэльса, начиная с 1401 г., установил изучавший его архив Дж. Рамзей (Lancaster, I, p. 147—8).

[6] Общую сумму потерь установить невозможно, но известно, что доходы, которые получало до начала восстания под руководством Оуэна Глэндоуэра герцогство Ланкастер от Монмаута и Кидвелли, составляли 1300 ф. ст. Во второй год правления Генриха IV его доходы от этих областей были равны нулю. — Ib., p. 148.

[7] Они предупредили Генриха IV о готовящемся нападении (наряду с Эдмундом Ленгли), взяли на себя его охрану, когда он поспешно прибыл из Виндзора в столицу. — Stow, p. 525.

[8] Жители Сиренчестера задержали, а затем разгромили в развернувшейся схватке дружины Голенда и Монтегю. — Stow, p. 526; CPR, 1399—1401, p. 225.

[9] Davies, p. 23.

[10] В 1401 г. парламент принял закон, запрещавший брать у населения продукты без немедленной оплаты их, но с одним ограничением: если стоимость взятых продуктов превышала 40 шил. (SR, p. 125).

(lectis ergo articulis), «горожане Йорка» (cives Eboraci), «рыцари» (milites), «сквайры» (armigeri), «простой народ из города и деревни» (plebs urbana et rustica) «в большом числе» примкнули к нему. Зимой 1408 г. Перси и Бердолф «провозгласили публично», что они пришли освободить народ от налогов [1].

Наиболее концентрированную формулу протест против политики первого Ланкастера приобрел в тех выступлениях, которые происходили в нижней палате парламента. Самостоятельное движение общин, потерявшее было активность в 90 гг. XIV в., в начале XV в. вновь обретает силу благодаря наличию среди рыцарей ряда способных политических деятелей с широким кругозором и незаурядными ораторскими способностями. Среди них следует в первую очередь отметить Эрнолда Сэвиджа (Savage), кентского рыцаря, занимавшего неоднократно пост спикера палаты общин 1401—1404 гг., и выдвинувшегося в члены Тайного совета [2], очень способного дипломата Джона Чейни [3], а также Джона Типтофта [4]. Позднее заметную роль в парламенте стал играть Томас Чосер, хотя его принципиальность и самостоятельность выглядели значительно менее убедительно, чем у первых [5]. Вероятно, будущие исследования значительно пополнят этот список дворянских лидеров.

Парламентские свитки дают довольно отчетливое представление об укреплении год от года оппозиции палаты общин по отношению к правительству Генриха IV. В 1401 г. члены нижней палаты, ведомые Э. Сэвиджем, повели наступление на прерогативы короны. Они добились от короля гарантий на право рыцарей и горожан свободно, без контроля чиновников короны обсуждать представленные парламенту петиции. Они настаивали на том, чтобы протоколы сессии парламента, содержащие принятые им законопроекты, составлялись раньше ее закрытия [6].

Они выдвинули «беспрецедентное требование», принятие которого вело к усилению контроля парламента над королев-

---

[1] HA, II, p. 269; ACh, p. 27.

[2] Сэвидж однажды уподобил короля, лордов и общины в парламенте «святой троице», зачеркнув этим традиционную иерархическую субординацию. Тексты его речей см. RP, III, p. 455, 456, 464 etc.

[3] Д. Чейни, избранный спикером в 1399 г. первым парламентом Генриха IV, был смещен королем по требованию духовенства, как сторонник ереси. — E. F. Jacob, The Fifteenth Century..., p. 19.

[4] Джон Типтофт — спикер парламента 1406 г.

[5] Он опирался на поддержку придворных принца Генриха. Спикером был в 1407, 1410, 1411 гг.

[6] RP, III, p. 427, 455.

ским двором: законопроекты о субсидиях должны обсуждаться не раньше, чем будет получен ответ короля на билли общин. Генрих IV отклонил этот билли [1].

В 1402 г. парламент проводит статуты, направленные на упорядочение королевской администрации и суда [2], запрещает королю производить какие-либо отчуждения принадлежащих ему имущественных прав [3].

В 1404—6 гг., когда политический кризис был близок к апогею, а казна пуста, рыцари графств выступают особенно активно. Их спикеры Сэвидж (начало 1404 г.) и Типтофт (1406 г.) резко критикуют расточительство королевского двора. Типтофт называет придворных Генриха IV, ни много ни мало как «шайкой мошенников» (rascally crew) [4].

Весной 1404 г. члены палаты общин заставили короля удалить нескольких членов двора, и среди них его личного исповедника Роберта Мэснела [5]. Они настояли на возвращении короне нескольких сделанных ею пожалований, в том числе тех, которые имели десяти и даже двенадцатилетнюю давность [6]. Осенью 1404 общины дали санкцию на полную конфискацию всех пожалований, сделанных короной с 1367 г. [7]. Была на год прекращена выплата пенсий [8], резко урезан размер тех сумм, которые король имел право тратить на нужды своего двора [9]. «Коммонеры» добились посылки специальных комиссий для проверки отчетов шерифов, таможенных чиновников и эсчиторов [10].

Используя безвыходное положение казначейства, нижняя палата утвердила весной 1404 г. список совета, ответственного за политический курс страны и включавшего в свой состав кроме трех высших чиновников короны, 6 прелатов, 6 светских баронов и 7 коммонеров [11].

---

[1] RP, III, p. 458.

[2] Имеются в виду законы о шерифах, о таможенных чиновниках и надсмотрщиках за выморочным имуществом (escheators). — SR, p. 133—139—140.

[3] Под «имущественными правами» общины разумели в первую очередь право владения земельными доходами. — SR, p. 133.

[4] RP, III, p. 572—3.

[5] RP, III, p. 524.

[6] Stow, p. 537.

[7] Т. е. провести генеральную «резумпцию» (resumption) — возобновление прав короны на отчужденное имущество. Подробно см. B. R. Wolfe, Acts of Resumption in the Lancastrian Parliaments. — EHR, LXXIII (1958), p. 587.

[8] RP, III, p. 523, 547—9.

[9] RP, III, p. 523.

[10] SR, p. 149.

[11] RP, III, p. 530.

Тем самым в 1404 г. дворяне графств добились того, к чему тщетно стремился Питер де ла Мар в 70 гг. XIV в. Введя своих представителей в созданный совет, коммонеры надеялись довольно эффективно контролировать и направлять политику короля. Надеждам не было суждено, однако, сбыться. Получив нужные деньги и распустив парламент, правительство первого Ланкастера ввело управление страной по старым каналам.

В 1406 г. парламент продолжал ту же линию: из Англии были высланы 43 придворных [1] свиты королевы [2] и две ее дочери [3]. Был принят статут, препятствовавший вмешательству знати в выборы рыцарей [4]. 22 мая избирается совет из 17 человек для контроля над деятельностью короля [5], права совета после 1406 г. были расширены [6]. Его члены обязывались принести присягу, положения которой были утверждены нижней палатой [7]. Представители общин упорно отказывали правительству в вотировании требуемых им субсидий. Все это, как отмечено у Уолсингема, привело к тому, что парламентские заседания с перерывами продолжались почти год и расходы рыцарей, связанные с участием в работе парламента, сравнялись с той суммой денег, которые требовал от них король [8].

Когда положение в стране улучшилось, Генрих IV сделал несколько шагов, чтобы ослабить последствия актов парламентов 1404—1406 гг. и освободиться от контроля нижней палаты. Важнейшими из них были отказ от сбора парламента в течение двух лет (1408—1409 гг.), постепенное исключение выдвиженцев палаты общин из совета и замена их выходцами из баронских семей. Однако в 1410 г. парламент вновь назначает совет [9]. В председатели его — что весьма симптоматично — намечается принц Уэльский, популярность которого среди дворянства и горожан, как усмирителя валлийского восстания, была очень велика.

Приведенные здесь факты свидетельствуют о том, что правительству первого Ланкастера не удалось сохранить ту

---

[1] RP, III, p. 569—71.

[2] Генрих IV женился на Жанне, вдовствующей герцогине Бретанской. Это был его второй брак. — Stow, p. 533—4.

[3] Stow, p. 541.

[4] SR, p. 156.

[5] RP, III, p. 572; 578—9.

[6] Джекоб показал, что в отличие от совета 1404 г. новый совет сумел с некоторой долей успеха вести контроль за расходованием средств. — E. F. Jacob, The Fifteenth Century..., p. 85.

[7] RP, III, p. 582, 585.

[8] «... Propter hanc dilationem expensae militum aecquiparabant pene subsidium postulatum». — HA, II, p. 273.

[9] RP, III, p. 623, 632; HA, II, p. 283.

поддержку со стороны дворянства и горожан, которые обеспечили ему быструю и решительную победу в 1399 г. Его финансовая политика вызвала недовольство среди самых широких слоев населения.

Война с валлийцами, шотландцами, французами, внутренние усобицы среди феодального класса Англии не могли не создать обстановки политической неустойчивости, недоверия к правящему монарху и его советникам. В этих условиях органы государственной власти не могли оказать эффективную поддержку католическим прелатам.

Оборонялся от многочисленных врагов не только Болингброк, об обороне приходилось думать и князьям церкви. Для парламентов Генриха IV, особенно последних, были характерны попытки поддержать те антиримские законы, которые принимались коммонерами во второй половине XIV столетия. «Statute of Provisors» оказался возобновленным уже в 1401 году. В 1406 г. парламент еще раз подтвердил его, кое-что добавив[1], общины просили, хотя и тщетно, короля брать себе половину дохода с каждого церковного бенефиция, где клирик-плюралист не ведет пастырской работы. Если бы такой билль был принят, он имел бы для английских прелатов катастрофические последствия[2]. Парламент протестовал против вызова людей на суд в Рим[3], сбора так называемых первых плодов[4]. В 1410 г. члены нижней палаты ходатайствовали о смягчении статута «о сожжении еретиков»: лоллардов, согласно этому законопроекту разрешалось брать на поруки, их имущество ограждалось от разграбления, а главное — арест их могли проводить только королевские чиновники[5]. Тем самым юридические права церкви в преследовании еретиков резко сужались. Естественно, королевский совет решительно отклонил этот весьма крамольный билль.

Генрих IV не смог претворить замысел составителей закона «о сожжении еретиков». У него не было сил для разгрома врагов католицизма. Лолларды в те годы не только активно защищались, но и решительно добивались принятия своих требо-

---

[1] В числе добавлений — запрещение принимать на государственную службу в Англии кардиналов и других чужеземных клириков. RP, III, p. 465, 466.

[2] Король ответил на этот законопроект дипломатично: клирики должны выполнять обязанности, за которые они получают бенефиций, если этого не произойдет, он примет надлежащие меры. — Foxe, III, p. 316—7.

[3] В 1406, 1407 гг.

[4] В 1407 г. — RP, III, p. 486.

[5] Foxe, III, p. 317—8.

ваний правящими кругами страны[1]. Противоречия нарастали... Разрешение их пришло во второе десятилетие XV века.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ACh — St'Alban's Chronicle, 1406—1420, ed. V. H. Galbraith, Ox., 1937.
App — Supplementary Additions from the Continuation of the Eulogium. In Appendix to «An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI». Ed. by S. Davies. L., 1856.
Brut — The Brut, or Chronicles of England, ed. F. W. D. Brie, L., 1908.
ChL — A Chronicle of London, ed. H. Nicolas and E. Tyrell, L., 1827.
CPR — Calendar of the Patent Rolls. Henry IV.
Davies — An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry IV written before the year 1471, ed. S. Davies, L., 1856.
Fabyan — R. Fabyan, The New Chronicles of England and France, ed. H. Ellis, L., 1811.
Foxe — J. Foxe, The Acts and Monuments of the Church, containing the history and sufferings of the Martyrs, ed. J. Pratt, The Religions Tract Society, vol. III, L., 1878.
FZ — Fasciculi Zizaniorum Magistri Johannis Wyclif cum Tritico, ed. by W. W. Shirley, L., 1858.
J. Gairdner, The Houses... — J. Gairdner, The Houses of Lancaster and York. L., 1874.
Grafton — Grafton's Chronicle, or History of England, ed. H. Ellis, vols. I, II, L., 1807.
GrCh — The Great Chronicle of London, ed. A. H. Thomas and J. D. Thornley, L., 1938.
Gregory — Gregory's Chronicle, The Historical Collection of a Citizen of London, ed. J. Gairdner, L., 1876.
GrFr — Chronicle of the Gray Friars of London, ed. J. G. Nichols, L., 1852.
HA — Chronica Monasterii S'Albani Thomae Walsingham, quondam Monachi S. Albani, Historia Anglicana, vol. II, 1381—1422, ed. by H. Th. Riley, L., 1864.
Hall — E. Hall, Chronicle of Lancaster and York, 1399—1547, ed. H. Ellis, L., 1809.
Harding — The Chronicle of John Hardyng, ed. H. Ellis, I., 1812.
HE — Historia vitae et regni Ricardi II, Angliae Regis, a monacho quodam de Eveshan consignata, ed. Th. Hearne, Ox., 1729.
E. F. Jacob, Henry V — E. F. Jacob, Henry V and the Invasion of France, L., 1947.
E. F. Jacob, The Fifteenth Century — E. F. Jacob, The Fifteenth Century 1399—1485, The Oxford History of England, ed. G. Clark, vol. VI, Ox., 1961.
Julius — Julius B II, Chronicles of London, ed. Ch. L. Kingsford, Ox., 1905.
PO — Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England, ed. H. Nicolas, L., 1834.
J. Ramsay, Lancaster, I ... — J. Ramsay, Lancaster and York, 1399—1485, vol. I, L., 1892.
RP — Rotuli Parliamentorum.
SR — The Statutes of the Realm, vol. II.

---

1 См., кроме фактов, приведенных на этих страницах, данные на стр. 3—4 данной работы.

A. Steel, The Receipt — A. Steel, The Receipt of Exchequer, 1377—14
Cam., 1954.
A. Steel, Richard II — A. Steel, Richard II, Cam., 1941.
Stow — J. Stow, The Annales of England, L., 1601.
Usk — Chronicon Adae de Usk. Ed. E. M. E. M. Thompson, L., 1904.
Wavrin — J. Wavrin, Recuell des Croniques, ed. W. Hardy, L., 18
Wilkins — D. Wilkins, Concilia Magnae Britanniae et Giberniae, vol.
L., 1737.

продажей их королевская власть уже нарушила установленные в области торговли и производства традиции.

Английский экономист XVII века Уильям Петти считал, что монополии первоначально были весьма полезны, т. к. они в известной мере защищали экономические интересы страны от иностранцев-конкурентов. Но вскоре они превращались в свою противоположность, т. к. являлись средством регулирования, контроля со стороны государства, а следовательно, и ограничением предпринимательства. Таким образом, намечались различные направления в экономическом развитии страны. Так, например, если суконщик выступал как представитель промышленного капитала, то купцы как владельцы торгового капитала. Роль последнего двоякая, как отмечал К. Маркс, в зависимости от того, куда его вкладывал владелец[1]. Если торговый капитал при зарождении капиталистических отношений вкладывали в промышленность и торговлю, то он содействовал развитию производительных сил. Выдаваемый под известный процент взаймы, он содействовал сохранению старых форм организации промышленности и торговли, а потому тормозил дальнейшее развитие производительных сил. Так было в Италии в XVI в., приблизительно так же было и в Англии в начале XVII в. в условиях господства монополий. Борьба между суконщиками — предпринимателями и купцами Англии — в первые десятилетия XVII века была не только борьбой между владельцами промышленного и торгового капитала, но и борьбой за разные пути капиталистического развития. Уже в то время в Англии образовались два основных направления. Первое — это владельцы зарождавшегося промышленного капитала, сторонники самостоятельного экономического развития; они выступали против широкого применения монополий. Второе — это владельцы торгового капитала, стоявшие за монополии. Эти два направления можно проследить и в учении первых меркантилистов. Эдвард Мисселден, несмотря на свою приверженность к привилегированным компаниям (он с 1616 г. был членом правления компании купцов-авантюристов), осуждал монополии и ограничения всякого другого рода в торговле, особенно же те, которые выдавались частным лицам[2]. Жерар Мелайнс тоже был в принципе против них, но считал, что они делятся на 1) благоприятные, т. е. «на такие вещи, которые были необходимы и приятны, как крахмал, табак и другие колониальные товары»; 2) неблагоприятные, которые вводились на необходимые предметы, т. е. на рыбу, масло, сыр и «необходимые

[1] К. Маркс. Капитал. т. III, стр. 346. М. 1948.
[2] Misselden E. Free Trade, L., 1622.

для существования людей, вещи, без которых едва ли можно жить»; 3) индифферентные, т. е. вельвет, шелк, сахар. Он же считал монополии своеобразным родом торговли в покупке, продаже, обмене.

Различного рода мнения и суждения доказывали, что большая часть общества осуждала монополии. После долгой борьбы и в литературе, и в парламенте, удалось доказать одну совершенно очевидную истину: монополии не должны быть достоянием частных лиц. Тезис о значении свободной торговли был поднят на щит акционерными купеческими компаниями и подвергся всестороннему обсуждению в парламенте.

Первые жалобы на монополии возникли в парламенте при королеве Елизавете в 1571 г., но они были единичными. В 1593 г., а особенно в 1597 г., парламент снова поднимает этот вопрос [1]. 14 декабря 1597 сэр Ф. Мор, депутат от графства Беркшир, отметил большие неудобства и злоупотребления, которые происходили от монополий и патентов. Палата поддержала его [2]. Но со стороны правительства никакого ответа не последовало; поэтому в парламенте 1601 г. вопрос был поднят снова. Часть депутатов (Бэкон, Сесиль и другие) действительно считала выдачу монополий исключительной прерогативой короны, но большинство членов палаты обрушилось на монополии [3]. Если Бэкон считал, что вопрос о том, могла или не могла королева раздавать монополии, решала она сама: «Я говорил и говорю снова, что мы не должны вмешиваться и судить о прерогативе ее величества» [4], то члены палаты общин (коммонеры) выступали уже более смело и решительно, требуя немедленного устранения и самих монополий и связанных с ними злоупотреблений.

Выступавшие члены палаты общин называли владельцев монополий пиявками, высасывающими кровь государства, людьми без чести и совести, у которых не может быть честного имени. Сэр Роберт Роут перечислял все монополии, которые были пожалованы «на коринку, железо, порох, игральные карты, на кожи, стекло и стеклянную посуду, сталь, водку, анис, древесный уголь, селитру, свинец, растительное масло, ворвань и многое другое» [5].

При перечислении указанных патентов один из членов па-

---

[1] А. В. Барчугова. Политическая борьба в Англии в конце XVI века. Кандидатская диссертация. Горький, 1951, стр. 275.

[2] Cobbet W., cit. opus, p. 930.

[3] Prothero. Select statutes and other constitutional documents by Elizabeth and James. Oxford. 1934, pp. 111—117.

[4] Ibidem, pp. 115—117.

[5] Cobbet W., cit. opus, p. 930.

латы общин встал и спросил: «А нет ли среди них патента на хлеб». И тогда последовал ответ с места: «Если хлеба еще и нет в этом списке патентов, то он будет занесен в него перед следующим парламентом» [1].

Главное бедствие, отмеченное всеми выступавшими, — это необычайный рост цен на продукты питания и товары первой необходимости, на продажу которых давали право монополии. Наблюдался также рост цен и на сырье. Например, цены на сталь за меру — баррель[2] — выросли с 12 фунт. стерл. 10 шил. до 19 ф. ст. или от 2,5 до 5 пенсов за фунт стали; при этом подчеркивалось, что монополии «совершенно уничтожили всех сталезаводчиков» [3]. Крахмал вздорожал с 18 шил. до 50—56 шил.; цены на посуду и стекло выросли вдвое.

В течение шести дней шли дебаты о вреде монополий. Королева Елизавета была вынуждена специальной прокламацией от 28 ноября 1601 г. отменить монополии и отказаться от их раздачи в будущем. Многие патенты были аннулированы, так как с ними были связаны большие злоупотребления. Это был наиболее яркий пример столкновения короны с парламентом, абсолютистской власти с интересами буржуазии. Последняя становилась экономически все более сильной, и в конце XVI в. веско заявляла о своих интересах в парламенте.

В английской торговле исключительную роль играл Лондон и лондонское купечество. Так, контроль за торговлей сукном был в основном в руках купцов-авантюристов, обитавших в Лондоне. Они контролировали ее в Германии, Нидерландах, Прибалтике, северной Франции и делали попытку ограничить деятельность купцов-контрабандистов (interlopers), хотя последние в конце XVI в. уже вывозили до 500 кусков сукна ежегодно. Такое преследование контрабандистов объяснялось тем, что в первые годы XVII в. несколько пал экспорт сукна купцами-авантюристами. Например: в 1598—1600 гг. купцы-авантюристы вывозили до 97700 кусков сукна, в 1603 г. всего лишь 86 600 кусков сукна. Купцы-авантюристы все беды перекладывали на контрабандистов, но их позиция была разоблачена несколько позднее [4]. Даже такое, казалось бы, незначительное понижение в экспорте, не замедлило отразиться на состоянии торговли внутри страны. И одной из причин падения экспорта сукна считали продажу монополий. Учитывая это, члены палаты общин в 1604 г. высказали свое недовольство политикой правительства.

Была создана специальная комиссия для расследования

---

[1] Ibidem.
[2] Баррель — мера объема и емкости в Англии, равная в то время 89 кг.
[3] Hewins, cit. opus, pp. 13—15.
[4] Commons Debates. 1621, vol. III, p. 443.

состояния торговли сукном. Члены ее высказали свое соображение, сводившееся к следующему:

1) Предлагалось «комиссии... рассмотреть причины упадка торговли и найти путь для устранения всех злоупотреблений и помех, препятствующих росту и расширению торговли» [1].

2) Считали необходимым «сбыт сукна за море сделать свободным» [2].

3) Все суконщики и купцы «жаловались с прискорбием на монополии и ограничение торговли богатыми купцами Лондона, что вело к препятствию в торговле всем остальным; лондонские купцы получали $^3/_4$ всех прибылей в торговле, в то время как $^1/_4$ часть распределялась между купцами всей Англии» [3].

Когда предложения комиссии были представлены палате общин, то все они были поддержаны большинством ее членов. Многие высказывались за необходимость запрещения монополий, в противовес которым выдвигали билль о свободной торговле.

Значительная часть выступавших ссылалась на то, что все подданные королевства родились свободными и законными наследниками своей земли, чтобы свободно пользоваться ее благами и торговлей, ибо это естественное право [4]. Что же касается торговли, то она есть наиболее «важный и богатейший источник, чем все остальные», и «было бы противоестественным для свободы подданных Англии, передать ее в руки немногих, как это есть теперь» [5]. Более того, правители всех компаний своими монополиями так держат в руках дело, что значительная часть торговли королевства находится в руках 200 лиц, а остальные, в большинстве, обслуживают немногих и пожинают незначительную прибыль [6].

Английская буржуазия, промышленные круги и большая часть купечества остальных городов Англии не только осуждали монополии, и привилегии, но и требовали их отмены: «На короля и на государство падает тень, ограничивающая торговлю других компаний, тень, которая называется монополии» [7]. «Поскольку существует большая свобода для тех, кто торгует за границей, то необходимо иметь большую свободу, чтобы торговать дома» [8]. И в виде противопоставления приво-

---

1 Journals of the House of Commons, v. I, p. 155.
2 Ibidem.
3 Ibidem, p. 218.
4 Ibidem.
5 Ibidem.
6 Journals of the House of Commons, v. I, p. 218.
7 Ibidem.
8 Ibidem.

дится пример большинства наций мира, которые «аннулировали монополии в торговле, а мы ими пользуемся: в условиях такой свободы, торговля процветает, как, например, в Нидерландах, значительно больше, чем у нас» [1].

С монополиями неразрывно связывалась деятельность компании купцов-авантюристов, которая имела самый большой экспорт сукна из Англии. Против них выступления были еще более резкими.

«Компания купцов-авантюристов... не более 200 человек, а держит в руках $^2/_3$ суконного производства в королевстве» [2]; эта компания «является большим ущербом для страны, в чем можно убедиться на различных примерах: посмотрим жалобы суконщиков Англии — полное разорение большого числа бедных людей, которые жили производством сукон» [3].

Произвольно устанавливая низкие цены на сукна и шерстяные ткани на внутреннем рынке Англии, купцы-авантюристы тем самым «ослабляли торговлю, разоряли бедных рабочих вместе с их женами и детьми» [4]. За пределами страны они тоже добивались установления высоких цен и тем самым снижали спрос на английские сукна за границей. И в то время, как государство испытывало большие затруднения в финансах, компания купцов-авантюристов вывозила товары, стоимостью в 2,5 млн. ф. ст., т. е. фактически получала в свои руки $^9/_{10}$ всех доходов страны от продажи сукна. Она получала прибылей больше, чем Вест-Индская компания от торговли специями.

Оказывалось, что могущественные монопольные объединения, подобно компании купцов-авантюристов, сконцентрировали в своих руках весь контроль. Купечество Лондона и Сити, среди которого значительную часть составляли те же купцы-авантюристы, захватили в свои руки почти половину экспорта сукном. И когда в 1622 г. комиссия по состоянию торговли пыталась найти причины застоя, то она установила, что $^2/_3$ части всех товаров королевства сосредоточено только в 50 руках [5]. Подобные монопольные торговые компании исключали из своих рядов мелких розничных торговцев, лавочников, ремесленников, отдавая предпочтение крупным купцам, которых вовлекали в торговлю. Сами же современники разоблачали их позиции в отношении к мелким торговцам: «Как

---

[1] Ibidem.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.
[4] Ibidem.
[5] Ibidem, p. 219. Calendar State Papers. Domestic Series, 1603—1610, vol. 132, § 35.

римляне называли всех варварами, кто не относился к римлянам, так и купцы-авантюристы называли всех контрабандистами, кто не торговал с ними»[1]. Вот поэтому, члены палаты общин, отдавая себе отчет о причинах многих бедствий в стране, требовали от королевской власти отмены монополии: «Если потребовать от короля, то он сам должен заклеймить монополии как величайшую несправедливость»[2].

В том же 1604 году на одной из парламентских сессий был поставлен на обсуждение вопрос о монополиях и билль о свободной торговле. Первым шагом в разработке этого наболевшего вопроса была известная «Инструкция относительно билля о свободной торговле», составленная в 1604 г. в палате общин при непосредственном участии одного из наиболее активных членов зарождавшейся парламентской оппозиции в палате общин Эдвина Сэнди[3]. Там ясно указывалось, что монополии порождены новыми условиями времени и совершенно оттеснили прежнее естественное право на торговлю любого лица: «Эти монопольные компании так держат дело в руках, что основная часть всей торговли королевства сосредоточилась в руках 200 лиц, а остальные обслуживают торговлю лишь для видимости»[4].

Таким образом, в сессию 1603—1604 гг. палата общин натолкнулась на большие трудности в рассмотрении этого вопроса: с одной стороны, билль против монополий, с другой — выступления против него членов привилегированных компаний. Оппозиция монополиям в первом парламенте Якова I Стюарта нашла свое выражение в двух биллях, представленных на рассмотрение обеих палат 18 и 19 апреля. Один — «Для всех купцов, имеющих свободу торговли во всех странах и используемую всеми другими нациями». И другой «За расширение торговли подданных его величества в иностранных государствах»[5].

Неизвестно точно, кем именно был предложен первый из этих биллей, но в журналах палаты лордов упоминались «купцы, выставившие этот билль». Комиссия, которая была назначена для рассмотрения биллей, включала баронов Пяти Портов, горожан от торговых городов, а среди них и четырех

---

1 Commons Debates, 1621, vol. III, p. 443.

2 Journals of the House of Commons, vol. I, p. 219.

3 «Instructions touching the Bill for Free Trade», Journals of the House of Commons, v. 1, pp. 218—219.

4 Ibidem.

5 «For all merchants to have free liberty of trade into all countries as is used in all other nations». «For the Enlargement of trade for his Majesty's subjects into foreign countries». Journals of the House of Lords, vol. II, pp. 332—336.

представителей от Девоншира. Наконец, после обсуждения вопроса о монополиях и о злоупотреблениях купцов-авантюристов в торговле члены палаты общин перешли к третьему важному вопросу: какое место занимает Лондон и лондонское купечество в английской торговле и распределении получаемых от нее доходов. Представители провинциального купечества в парламенте и палате общин ратовали за то, чтобы равномерно распределять все прибыли, т. к. это служит «показателем большой устойчивости в стране и силы королевства, так же, как равное распределение питания в организме человека» [1]. Если же в стране есть «последствия такого рода, т. е. неравного распределения богатства, то это есть результат процветания монополий в стране» [2]. «Таможенные пошлины и налоги одного Лондона приносят 110 тыс. ф. ст. в год, а остальные города королевства получают только 17 тыс. ф. ст.» [3]. Факты были весьма красноречивы. Однако лондонское купечество, чувствуя за собой поддержку короны, со всей силой обрушилось против билля о свободной торговле. «Этот закон,— заявляли они, — направлен против Лондона и его богатства, и его необходимо поддержать, ибо он является главным городом королевства» [4]. В этом заявлении совершенно явно проступает личная заинтересованность богатейшего купечества Англии, для которого не существовало ни «естественного права» в торговле, ни, тем более, общественного блага, на которое постоянно ссылались и члены палаты общин и, главное, лидеры парламентской оппозиции. Что же касается одного из них — Эдвина Сэнди, то он разоблачал исключительно индивидуалистическую и частно-собственническую позицию лондонского купечества. Он говорил, что богатство «является таковым лишь для Лондона; оно всецело находится в кошельках двухсот купцов Сити, которые и возбуждают дело против этого билля» [5]. Но, несмотря на значительную активность, сторонники свободной торговли потерпели неудачу, и обеспокоенные этим, они правильно оценили для себя ее последствия:

«Мы потеряем наши привилегии, если утратим наш билль!» [6]. Так что, несмотря на резкие выступления членов палаты общин и острую критику политики короны, противникам монополий не удалось добиться их полной отмены, хотя в указе от 1610 г. говорилось, что все, ранее выданные монополии

---

[1] Journals of the House of Commons, vol. I, pp. 176, 179.
[2] Ibidem, p. 218.
[3] Ibidem.
[4] Ibidem, p. 220.
[5] Ibidem.
[6] Ibidem, p. 220.

будут признаваться недействительными и не имеющими никакой силы [1], но, как показало время, это постановление осталось на бумаге: его и нарушали, и обходили, и это привело к еще более бурному обсуждению вопроса в парламенте 1621 г. С 1610 по 1621 г. произошло очень много важных событий в экономической жизни английского общества. Одним из них был начавшийся с конца 20 гг. застой в области торговли и промышленности [2]. Предпосылки к нему имели место в 1616 г., 1617 г., 1618 г., когда особенно заметно стал падать экспорт сукна. К 1620 г. по сравнению с началом XVII в. он уменьшился почти вдвое [3]. Бедствия проникли и на суконный рынок Лондона [4]. На рынке в большом количестве скопились сукна, привезенные из графства Глостершир, Кента, Сомерсета, Уорчестера, Девоншира, Норфолка [5].

В это тяжелое для страны время в 1621 г. был созван парламент. Это не была инициатива короны: настояли представители местных властей и члены парламента, обеспокоенные чрезвычайно тяжелым положением в стране. Король был вынужден пойти на этот шаг, тем более, что он 11 лет управлял государством без парламента, не считая «бесплодного парламента» 1614 г., который действовал не более двух лет. Обсуждались проблемы экономического характера, связанные с промышленностью и торговлей. Это было следствием тяжелого общего экономического состояния государства, особенно на местах. В палате общин были названы суконщики Кента, Уорчестера, Сэффолка, Эссекса, Сомерсета, Глостершира, которые представляли важнейшие торговые компании. Было совершенно очевидно, что торговля с Германией, Голландией, Францией, Испанией, Россией и Балтикой была поражена в результате застоя.

Примеры, приводимые самими купцами:

Экспорт сукна из Лондона английскими купцами [6]:

	в 1620 г.	в 1622 г.
Общий экспорт сукна:	85741 куск. сукна,	76624 к. сукна

[1] Statutes of the Realm, vol., IV, N 1212

[2] В нашей исторической литературе его чаще называют кризисом. См. вышеупомянутую статью по этому вопросу Н. М. Мещеряковой.

[3] См. по этому вопросу статьи: Н. М. Мещерякова. Кризис суконоделия в Англии накануне буржуазной революции XVII века, сб. Средние века, т. XV; Е. Д. Воробьева. Из истории английской шерстяной промышленности первой половины XVII в. Ученые записки Калининградского пединститута. Выпуск III, 1957, г. Калининград.

[4] Blackwell Hall — крупнейший суконный рынок в окрестностях Лондона.

[5] Calendar State Papers, 1619—1623, vol. 124, pp. 363, 373, 374.

[6] Supple B. E. Commercial Crisis and Change in England, 1600—1642. Cambridge. 1959.

Купцами-авантюристами: 58061 куск. сукна, 50187 к. сукна
в Нидерланды: 35716 » 26518 » [1].

Особенно разительны перемены в торговле и экспорте сукна, если сравнить его с таблицей вывоза сукна в 1600—1603 гг. (см. стр. 26 данной статьи).

В комиссию, созданную для расследования причин упадка торговли, поступали такие факты: «Перед проектом Кокейна король получал таможенных налогов в год (от вывоза сукна) на сумму в 45000 ф. ст., а теперь только 27000 ф. ст. Ежегодно вывозилось 730280 кусков сукна всех сортов, 74700 кусков сукна остальных сортов; теперь же за год вывозится только 37000 кусков сукна [2]. В 1622 г. экспорт неокрашенных сукон купцами-авантюристами составлял лишь 40% от экспорта 1614 г. Даже Тайный совет отметил всеобщий характер народного бедствия и в сентябре 1621 г. сообщал двадцати портам страны свою точку зрения относительно упадка торговли и недостатка монеты [3]. Но особенно тяжелым было положение в десяти крупнейших графствах — центрах производства сукна [4]. Суконщики сообщали, что они очень обеспокоены состоянием торговли, что многие бедные люди готовы на мятеж из-за отсутствия работы [5].

Уилтширские прядильщики и ткачи сильно нищенствовали, несмотря на то, что честно заслужили заработную плату. «Сейчас особенно дорого зерно, так что бедные ремесленники могут умереть голодной смертью, в то время как никто не откликается на их призывы о бедствии» [6].

Сэффолкский магистрат сообщал, что в двадцати городах графства в течение двух лет скопилось непроданного сукна на сумму 40000 ф. ст. и что «суконщики находятся в таком состоянии. ... по причине больших потерь; их сукно идет за бесценок и большое количество его остается на руках; ... многие люди без работы и в большом несчастье» [7]. Аналогичные жалобы поступали и из других графств. Экзетер насчитывал 300 безработных ткачей, а в Уилтшире их число достигло 8000. Они не имели хлеба и грозили разграбить склады продовольствия на рынке; в мае они пытались захватить баржи с солодом на Северне. Одновременно вспыхнуло восстание в деревнях Сомерсета.

---

[1] Ibidem, p. 55.
[2] Commons Debates, vol. V, p. 295.
[3] Acts of the Privy Council, 1621—1623, pp. 40, 71, 79—80, 208.
[4] Это были графства: Уилтшир, Сомерсет, Дорсет, Девоншир, Глостершир, Беркшир, Оксфордшир, Кент, Сеффолк, Гемпшир.
[5] Acts of the Privy Council, 1621—1623, pp. 131—133.
[6] Supple, cit opus, p. 55.
[7] Calendar State Papers, Domestic Series, 1619—1623, vol. 26, p. 67.

Еще в апреле 1621 года правительство должно было создать комиссию в количестве 12 человек для расследования причин застоя в торговле и промышленности и послать их в 25 сукнодельческих графств, но не успело этого сделать. В мае Тайный совет был вынужден направить срочные письма мировым судьям целого ряда графств [1], приказывая им предупреждать «мятежные сборища» (tumultuous assembles). Современники и все члены парламента, собравшиеся в 1621 г., отдавали себе отчет в происходивших событиях и трезво оценивали обстановку в стране: «Все жалобы королевства являются незначительными по сравнению с упадком торговли». «Расширение нашей торговли, успех наших отечественных товаров и рост торговли — все это является наиболее важными делами парламента» [2]. Некоторые члены палаты общин буквально взывали о помощи, видя бедственное состояние экономики в государстве: «Торговля подобна луне на ущербе, ибо... она поднимается высоко в импорте и низка в экспорте». «Порты в упадке, станки убывают..., лучше быть пахарем, чем купцом» [3].

«Оракул закона» и наиболее активный деятель парламентской оппозиции Эдуард Кок весьма лаконично высказался по вопросу о состоянии торговли: «Свобода — душа торговли», но нет свободы и потеряна торговля [4].

Один из членов палаты общин как бы подводил итог общему состоянию: «Была ли страна когда-либо еще так истощена без войн, как в эти годы?» [5].

И снова, как и в 1604 г., большинство выступавших видели главную причину упадка торговли в монополиях, «которые высасывали все жизненные соки из подданных, предоставлялись одному человеку, вопреки общественному благу, являясь всеобщим ограничением» [6].

Однако в 1621 г. вопрос о монополиях и сами дебаты приняли совсем иное направление, чем в предыдущие годы: были затронуты и другие важные проблемы. Вскрывались глубокие и серьезные нарушения с продажей их. Мало того, что они были «угодны королю» и «прибыльны его величеству» [7], ими еще злоупотребляли. «Они дюжинами перепродавались лордом-адмиралом без специального акта парламента»,

---

[1] Уилтшир, Глостершир, Девоншир, Сомерсет, Оксфордшир, Дорсет, Беркшир, Нортгемптоншир.

[2] Commons Debates, 1621, vol. II, p. 285.

[3] Ibidem, p. 75.

[4] Ibidem, vol. III, pp. 45, 370, 379, vol. IV, p. 95.

[5] Ibidem, v. II, p. 283—284.

[6] Commons Debates, 1621, v. II, pp. 85, 290—291, vol. IV, p. 227.

[7] Ibidem, v. II, p. 109.

разрешавшего подобные действия [1]. Или другой пример: Ф. Бэкон, лорд-канцлер, подписал к продаже 37 монополий, но не успел реализовать их, поскольку против него начался судебный процесс в этом же парламенте [2].

Палата общин больше не хотела мириться с подобными злоупотреблениями. Необходимость отмены монополий стала очевидной не только для палаты общин, но и для палаты лордов. Вот почему в парламенте созыва 1621 г. больше обсуждалось состояние торговли и причины ее упадка, чем злоупотребления купцов-авантюристов.

После введения в действие проекта Кокейна судьба этой компании была решена не только в Англии, но и за ее пределами. Однако движение за свободную торговлю, предпринятое палатой общин, натолкнулось на большие препятствия. Лорды и верхняя палата были защитниками экономической политики абсолютизма: они отстаивали монополии и были против принятия билля о свободной торговле. Лорд-солиситор считал, что окончательное слово в решении всех этих вопросов остается за королем: «Мы заседаем в Большом Совете, и все же мы больше, чем когда-либо нуждаемся в совете .., что же касается парламентских дел, то все они исключительно в руках короля» [3]. Лайонел Кранфилд, главный казначей королевства, защищал патенты и монополии, поскольку они были необходимы королевской казне [4]. Были и случаи, доказывающие полное непонимание вопроса членами верхней палаты. Сержант Эшли, представитель палаты лордов в нижней палате, выражая мнение королевских кругов, заявлял, что «опасность в королевстве состоит не в жалобах на монополии и даже не в существовании коррупции, но в упадке... религии» [5]. Что еще можно добавить к подобному замечанию, которое весьма ярко раскрывало позицию господствовавшей верхушки английского общества с ее стремлением отвлечь внимание палаты общин, от главного — в данном случае от губительной политики абсолютизма в экономической жизни. Но подобным выступлениям был дан отпор одним из коммонеров, заявившем, что «пассивность является злом для советников» [6]. Члены палаты общин проявляли настойчивость, последовательность и решительность, постоянно напоминая королю о том, что «парламент имеет право вмешиваться во

---

[1] Ibidem, p. 229.
[2] Ibidem, v. V, p. 409.
[3] Commons Debates, 1621, v. II, p. 409.
[4] Ibidem, pp. 89—90.
[5] Ibidem, vol. IV, p. 281.
[6] Там же, том III, стр. 406.

все государственные дела и разговаривал с королем «неслыханным до той поры языком», так что Яков I был вынужден 6 января 1922 г. закрыть сессию парламента, а затем и распустить его совсем [1].

Завершающим этапом в вопросе о монополиях в период правления Якова I явился «Акт об отмене монополий» [2], принятый в парламенте 1624 г., который гласил: «Настоящий парламент объявляет и постановляет..., что все монополии, пожалования, лицензии, патенты, пожалованные ранее или позднее отдельным лицам, корпорациям... и проданные кому-либо внутри королевства или во владения Уэльса, а также какие-либо монополии или освобождения... должны быть полностью отменены и не иметь действия» [3]. Исключением были лишь новые изобретения, на которые можно было продавать монополии и патенты; в дальнейшем эта статья будет своеобразной лазейкой для Карла I Стюарта, который снова начнет торговлю ими. А пока, в результате активной деятельности парламента, и особенно палаты общин, Яков I был вынужден осенью 1624 г. «обещать прежде всего приостановить раздачу патентов и монополий» [4].

Таким образом, вопрос о монополиях, а также связанный с ним вопрос о состоянии промышленности и торговли стали центральными в парламенте 1620—1622 гг. В значительной степени это объяснялось и тем, что в начале 20-х гг. резко ухудшилось положение в стране. Особенно это стало заметным в 1622 г. В Англии резко поднялись цены на хлеб; это было время довольно активной поддержки, финансовой и экономической, Палатинату в связи с Тридцатилетней войной.

Осенью 1622 г. вслед за ценами на хлеб стали повышаться цены на продукты питания, и главным образом на зерно. Это был период самых высоких цен за бушель [5] пшеницы с начала XVII столетия;

1620 — 1 бушель пшеницы = 25 шил. 5 пенсов,
1621 — » = 40 шил. 19 пенсов,
1622 — » = 51 шил. 1 пенс [6].

---

[1] Архив Маркса-Энгельса, т. VIII, стр. 313.

[2] «Acts of th Voiding of Monopolies», 1624. Statutes of the Realm, vol. IV.

[3] Crown and Parliament in Tudor-Stuart England, p. 182—183. N-York, 1959.

[4] Архив Маркса-Энгельса, т. VIII, стр. 313.

[5] Бушель (англ. — bushel — мера объема сыпучих и жидких тел в Англии. 1 бушель = 36,36 литра; в весовом отношении английский бушель в зависимости от качества зерна равняется 28,6 кг, 26,4 кг.

[6] W. J. Rogers. History of Agriculture and Prices in England, vol. V, pp. 270—271.

Все вместе не могло не сказаться на состоянии внешней торговли, которая резко падает. В октябре 1623 г. современники отмечали: торговля с Империей была «такой незначительной», что ее не стоило придерживаться» [1].

Многие свидетели и очевидцы подобных явлений, в том числе и Эдвин Сэнди, один из активнейших деятелей палаты общин по вопросам торговли, считали причинами упадка экономики страны монополии: «Торговля в королевстве поглощена монополиями, которые забирают много денег» [2], и «недостаточное денежное обращение в Англии» [3]. Другой видный деятель парламентской оппозиции в палате общин Дадли Диггз обрушивался на купцов-авантюристов, которые, по его мнению, своей финансовой таможенной политикой во многом содействовали подорожанию английского сукна за границей, а вместе с тем и падению спроса на него. Многие современники возлагали надежды на палату общин, которая, как казалось им, должна была активизировать свою деятельность, чтобы ликвидировать некоторые причины застоя экономики. В этом плане весьма интересна речь сэра Томаса Лоэ в палате общин от 24 ноября 1621 г:

«Я был купцом в течение шестидесяти лет и продажей сукна поддерживал честь нашего королевства и нашей торговли; у меня на руках было до 50000 кусков сукна; мы создавали новые рынки. Сейчас торговля претерпевает трудности, и я прошу палату позаботиться о торговле ради блага королевства» [4].

В палате общин высказывали тревожные мысли о том, что появились и серьезные конкуренты. Так, голландцы стремились разрушить английское управление торговлей. Особенно большую опасность для своей торговли они видят в производстве в Англии окрашенного и обработанного сукна. Именно поэтому они стремятся дискредитировать компанию купцов-авантюристов, вытеснив их сначала из Амстердама, а затем и из Миддльбурга [5]. Члены Истлендской компании жаловались королю на большую конкуренцию других купцов европейских стран: «Нидерланды поедают наши корабли во всех северо-восточных торговых городах, в которых мы оставили торговлю голландцам. Раньше мы вывозили туда сукна на 25000 ф. ст., а теперь только на 8000 ф. ст.» [6].

---

1 B. E. Supple, цит. сочин., стр. 58.
2 Commons Debates, 1621, vol. III, p. 390.
3 Там же, стр. 45.
4 Там же, стр. 442—443.
5 Commons Debates, 1621, vol. IV, pp. 176—177.
6 Ibidem, vol. III, p. 47.

Совершенно очевидно, что современники считали главными обстоятельствами, вызвавшими застой экономики и торговли, не одни монополии, а совокупность целого ряда других причин: конкуренцию со стороны купцов других европейских стран, многочисленные войны в Европе и многие другие, в том числе и внутреннего порядка.

Так, по причине застоя экономики страны для Англии были закрыты все перспективы внутреннего торгового развития [1]. Наиболее активными участниками в обсуждении этих вопросов были крупнейшие уже к тому времени руководители парламентской оппозиции в палате общин: Эдвин Сенди, Дадли Диггз, Эдвард Кок, Фелипс, Томас Вентворт.

Совершенно очевидно, что обсуждение вопроса о монополиях в парламентах Якова I Стюарта (1604—1611 гг., 1620—1622 гг., 1624 г.) значительно расширило рамки его деятельности. В парламенте 1604 г. вопрос о монополиях был тесно связан с деятельностью interlopers, лондонского купечества (главным образом Сити) и компанией купцов-авантюристов.

Деятельность парламента 1620—22 гг. была очень важной, так как коммонеры и члены парламентской оппозиции от осуждения монополий и купцов-авантюристов перешли к критике политики короны в области торговли и промышленности. Требование свободной торговли (free trade) в парламенте позднее станет тем лозунгом, который объединит передовые слои английской буржуазии. Это будет наиболее ярким выражением экономической программы буржуазии, к которой можно отнести борьбу против монополий и против государственного контроля в промышленности и торговле, против произвольных обложений (impositions) и против откупов и т. д. В то же время эта борьба была направлена против купечества лондонского Сити как наиболее реакционной части английского купечества [2].

В этой борьбе против экономической политики, проводимой английским абсолютизмом, складывалось основное ядро парламентской оппозиции.

Взгляды первых теоретиков меркантилизма (Мелайнса, Мисселдена, Мена), а также лидеров парламентской оппозиции (Сенди, Диггза, Вентворта) в палате общин по экономическим вопросам были ничем иным, как одной из сторон идеологической подготовки революции и теоретическим обоснованием будущего экономического господства буржуазии

---

[1] Цит. по работе B. E. Supple, стр. 57.

[2] См. по этому вопросу весьма обстоятельную и интересную монографию B. H. Tawney: Business and Politics under James I. Cambridge, 1958.

в стране. Уже в парламентах Якова I Стюарта намечались некоторые пути буржуазной торговой политики, проводимой позднее английской республикой.

От борьбы по экономическим проблемам шли нити к борьбе по политическим вопросам.

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ В ИРЛАНДИИ В ПЕРИОД РЕСТАВРАЦИИ СТЮАРТОВ

Э. П. Телегина

Либеральные английские и ирландские историки[1] считают, что торговая политика поздних Стюартов носила колониальный характер, т. е. защищала английские интересы вопреки ирландским. В то же время они считают, что, вследствие просчета законодателей и благотворной деятельности английских властей в Ирландии, эта политика привела к подъему экономики страны. Тезис об экономическом процветании Ирландии в период Реставрации обычно аргументируется ростом таможенных доходов, превышением доходов страны над расходами, успехами отдельных отраслей хозяйства (овцеводства, производства продуктов питания и т. п.). Говоря о «процветании» Ирландии, эти авторы не анализируют его характер, не показывают, кому оно было выгодно и как отражалось на положении ирландского народа. Такая оценка результатов торговой политики связана с общей концепцией историков либерального направления, которые, осуждая отдельные методы и формы, в целом признают положительное значение английского господства в Ирландии.

В русской и советской литературе торговая политика Стюартов в Ирландии не рассматривалась; между тем, ее изучение дает большие возможности для критики выводов защитников колониальной системы.

---

[1] G. O'Brien, «The Economic History of Ireland in the 17 th century». Dublin and London, 1919.
J. F. Bruke, «Outlines of the Industrial History of Ireland».
R. Dunlop, «Ireland from the restoration to the Act of Resumption (1660—1680)». The Cambridge Modern History, vol. V, Cambridge, 1934.
I. A. Froude, «The English in Ireland in the 18 th. century», London, 1901, p. 198.
D. Ogg, «England in the Reign of Charles II», vol. II, Oxford, 1956.
H. Warren, «The History of Ireland from the Earliest Period to the Present Day», vol. II, London and New-York.

Признавая оживление некоторых отраслей производства и торговли в Ирландии в период Реставрации, мы не можем согласиться с обобщенными выводами о процветании экономической жизни. В 17 веке Ирландия имела пестрое население по национальному и социальному составу. По данным В. Петти, в 1672 году здесь жило 300 000 англичан и шотландцев и 800 000 ирландцев [1], интересы которых были прямо противоположны. В состав первой группы входили землевладельцы, арендаторы земель, купцы, мануфактуристы, ремесленники, администраторы и т. д. Среди них были и потомки первых завоевателей Ирландии (old English) и люди, получившие здесь землю при Кромвеле (new English). В составе собственно ирландцев выделялась знать, часть которой была связана с англичанами, крестьянство, городские ремесленники и торговцы, слуги. Хотя завоеватели-англичане составляли меньшинство населения, они занимали господствующее положение в экономическом и политическом отношении.

В их руках сосредотачивалось $^3/_4$ всей земли страны и $^9/_{10}$ домов в городах [2]. Обезземеленные ирландцы подвергались жестокой эксплуатации, а также политической и религиозной дискриминации. Это обстоятельство требует рассматривать значение торговой политики английского правительства отдельно, по крайней мере, для двух главных категорий населения — для господствующих в стране английских колонизаторов и эксплуатируемых ирландцев. Кроме того, следует учитывать, что жившие в Ирландии англичане-землевладельцы, мануфактуристы, купцы, составляя часть буржуазно-дворянского класса Англии, имели и свои особые экономические интересы. Это обстоятельство порождало конкурентную борьбу внутри господствующего класса Англии, накладывавшую отпечаток на торгово-промышленную политику.

* * *

В период Реставрации английский парламент издал несколько актов, регулировавших торговлю и промышленность Ирландии. Навигационный акт 1663 года запрещал ввоз товаров в английские колонии из других государств, если они не шли транзитом через Англию, где происходила перегрузка на английские суда [3]. В 1670 году новый акт предусматривал те же порядки и в отношении товаров, вывозившихся из колоний. Этими постановлениями Ирландия фактически приравнивалась к иностранным государствам и была, таким образом,

[1] В. Петти. «Политическая анатомия Ирландии», Экономические и статистические работы, М. 1940, стр. 94.
[2] Там же, стр. 103.
[3] J. O'Brien, op. cit., p. 152.

лишена непосредственных торговых связей с колониальными рынками.

Другая серия мероприятий была направлена на борьбу с ввозом в Англию ирландского скота. Ссылаясь на падение земельной ренты в Англии, вследствие того что ввоз ирландского скота являлся помехой английскому скотоводству, в 1663 году английский парламент установил с 1 июля по 20 декабря каждого года очень высокие пошлины на ввозившийся скот. В 1666 году так называемым Актом о скоте [1] ввоз этого товара из Ирландии объявлялся «общественным злом» и полностью запрещался. То же постановление запрещало ввоз из Ирландии говяжьего и свиного мяса и бекона. Должностным лицам было предписано немедленно конфисковывать контрабандные товары и скот.

Подтвержденный в 1668 и 1680 гг., акт о скоте действовал на протяжении всего периода Реставрации. В 1678 году был запрещен ввоз ирландского скота также и в Шотландию [2].

Большое внимание английский парламент и правительство уделяли также вопросу об экспорте ирландской шерсти — важнейшего сырья для главной отрасли английской промышленности. В первый год реставрации парламент обсуждал законопроект о строгом запрещении вывоза шерсти из Англии, Ирландии и Шотландии за границу и о необходимости вывозить ирландскую шерсть только в Англию [3]. В 1661 и 1662 гг. эти запрещения были сделаны, и экспорт важнейшего сырья за границу был объявлен государственным преступлением [4]. В годы реставрации английскими властями было составлено множество распоряжений и инструкций, обеспечивавших практическое выполнение указанных мероприятий [5]. Так, например, торговец, желавший вывезти шерсть из Ирландии, должен был получить на это особое распоряжение губернатора Ирландии с точным указанием количества товара, внести в ирландскую таможню большой залог в качестве гарантии, что шерсть будет доставлена только в Англию. Залог возвращался после представления документа от английских тамо-

---

[1] English historical documents, ed by Douglas, v. VIII, N. Y., 1958, p. 732.

[2] Calendar of the Manuscripts G. Marques of Ormond, New ser., v. IV, p. 371.

[3] Journals of the House of Lords, v. XI, p. 129—130 a. oth.

[4] Английская буржуазная революция 17 века. М. 1954, т. II, стр. 131.

[5] Calendar of State Papers of Ireland, v. 1660—1662, London, 1965, p. 16, 385, 590, 691; v. 1666—1669, London, 1908, p. 714, 741, 761; Calendar of the manuscripts of the marques of Ormonde, New Series, v. IV, p. p. 116—117; Calendar of State Papers, Domestic., v. 1685, London, 1960, p. p. 112, 203 a. oth.; Bibliotheca Lindesiana, v. VI, Oxford, 1910, p. 111, 119.

женников о выгрузке шерсти в одном из английских портов. В 70-е годы 17 века, для обеспечения действенного контроля за вывозом шерсти из Ирландии, он был разрешен только из нескольких портовых городов этой страны [1].

С этими мероприятиями тесно связаны постановления, ограничивавшие возможность развития ирландской суконной промышленности (высокие, фактически запретительные, пошлины на ввозимые в Англию ирландские сукна, запрещение вывозить из Англии в Ирландию необходимые для развития суконного производства товары — например, валяльную глину (fuller earth) [2], сокращение Навигационными актами колониальных рынков для ирландских сукон.

Парламентские дебаты вокруг торговых актов показывают, что их инициаторами были буржуазия и дворянство метрополии [3]. Представители этих кругов в государственных и частных документах откровенно и цинично выдвигали принцип полного подчинения ирландской экономики английской [4]. Например, этот принцип ярко выражен в докладной записке сэра В. Темпля ирландскому губернатору от 1673 года. Рекомендуя различные меры для развития ирландской торговли, автор подчеркивал, что следует учитывать зависимое положение Ирландии, и в тех случаях, когда ее торговля будет мешать развитию главных отраслей английской торговли, первую необходимо умерить, «дав, таким образом, путь к развитию торговли в Англии» [5].

Торговые мероприятия периода Реставрации были практическим воплощением этого принципа. Навигационные акты передали английской буржуазии выгоды от посредничества в торговле Ирландии с колониями, устранили от этой торговли ирландских конкурентов, нанесли удар по ирландской суконной промышленности, которая могла бы стать серьезной опасностью для английской. «Акт о скоте» уничтожил угрожавшую доходам английских скотоводов отрасль ирландской экономики и дал толчок к развитию здесь овцеводства и производства шерсти, в которой нуждалась суконная промышленность метрополии. «Хорошо известно, как беспредель-

---

[1] B. L., v. VI, p. 111.

[2] J. H. L., v. XI, p. 129—130; C. M. Orm., IV, p. 116—117; O'Brien, op. cit., p. 183.

[3] См., например, дебаты вокруг вопроса о ввозе ирландского скота в Англию. JHL. v. XI, XII.

[4] CSPI, v. I (1660—1662), p. 16; v. III (1666—1669), p. 761; CSP, Dom., James II, v. I, pp. 110—114.

[5] English Historical Documents, ed. by Douglas, N. Y., 1958; v. VIII, p. 733.

но возросло разведение овец со времени запрещения ввоза скота», — писал в 1673 году генерал-губернатор Ирландии граф Эссекс [1]. Если в 1665 году из Ирландии было вывезено 131013 стоунов шерсти, то в 1669 году — 254 700 стоунов [2]. В конце периода Реставрации ежегодный вывоз этого товара составлял около 200 000 стоунов [3]. Рост экспорта ирландской шерсти отражен и в изменении правительственных доходов от пошлин с нее [4].

август 1662 г.	— 13 апреля 1663 года	— 1505 ф. ст.
13 апреля 1663 г.	— 13 апреля 1664 года	— 2512 ф. ст.
15 апреля 1664 г.	— 13 апреля 1665 года	— 3254 ф. ст.
15 апреля 1665 г.	— 13 апреля 1666 года	— 2174 ф. ст.
15 апреля 1666 г.	— 13 апреля 1667 года	— 2136 ф. ст.
15 апреля 1667 г.	— 13 апреля 1668 года	— 2266 ф. ст.
15 апреля 1668 г.	— 28 апреля 1669 года	— 3046 ф. ст.
28 апреля 1670 г.	— 28 апреля 1671 года	— 4584 ф. ст.
28 апреля 1671 г.	— 28 апреля 1672 года	— 5557 ф. ст.
июль 1673 г.	— июль 1674 года	— 6221 ф. ст.

По данным Вильяма Петти, в 1672 году в Ирландии содержалось около 4 миллионов овец [5]. В то же время в самой Англии выращивалось около 12 млн. голов [6]. Таким образом, овечье стадо в Ирландии составляло, примерно, одну треть английского, что свидетельствует о значительности ирландского шерстяного рынка. При этом следует отметить дешевизну ирландской шерсти. В период Реставрации цены на шерсть в Ирландии составляли 6—8 ш. за стоун, что было на 4 ш. дешевле, чем в Англии [7].

Таким образом, важнейшим результатом Акта о скоте было увеличение производства шерсти в Ирландии и превращение ее в выгодный сырьевой рынок для английской промышленности.

Увеличение производства шерсти при наличии дешевых рабочих рук могло стать основой развития собственной ирландской суконной промышленности, допустить которое английская буржуазия считала опасным [8]. В результате предпринятых английским парламентом мер ирландское суконделие, хотя и имело в период Реставрации некоторый прогресс, все же не стало значительным. В. Петти, прекрасно знавший

---

[1] Essex papers 1672—1679, ed. by Osm. Airy, 1830, p. 172.
[2] CSPI, IV, p. 54.
[3] G. O'Brien, op. cit., p. 180.
[4] C. M. Orm., III, p. 358—359.
[5] В. Петти. Экономич. и статистич. работы, стр. 118.
[6] Г. Гиббинс. Промышленная история Англии, СП. 1895, стр. 97.
[7] CSPY, 1660—1662, p. 691; C. M. Or., III, p. 348.
[8] English Historical documents, ed. by Douglas, p. 736.

экономику Ирландии, почти не говорит о нем в «Политической анатомии», считая его не достигшим уровня 1641 года [1].

По приблизительным подсчетам [2], экспорт ирландского сукна в период Реставрации составлял: в 1665 году — 12600 кусков, в 1669 г. — 11253 куска, в 1685 г. — 22492, в 1687 г. — 42844 куска.

Эти данные говорят о незначительности развития суконного производства, так как даже в годы максимального подъема оно неизмеримо отставало от английского (еще в 30-е годы 17 века в Англии ежегодно вырабатывалось и вывозилось около 300 000 кусков сукна) [3].

К концу 17 века эта отрасль ирландской промышленности была полностью погублена английскими законами [4].

Нежелательным для буржуазии метрополии был и экспорт шерсти из Ирландии в страны континента. Цены на этот товар там были выше, чем в Англии, и ирландские купцы предпочитали эти рынки английским [4]. Английское правительство запретило вывоз шерсти за границу, разрешив вывозить ее только в Англию; была разработана сложная система контроля над экспортом ирландской шерсти с целью предотвращения контрабандной торговли. В результате принятых мер удалось направить в Англию бо́льшую часть этого ценного для английской промышленности сырья, хотя полностью уничтожить контрабандный вывоз в Голландию и Францию английские колонизаторы не смогли. Таким образом, торговая политика в Ирландии полностью удовлетворяла интересы господствующих классов метрополии.

Торговая политика, проводившаяся английским парламентом, противоречила экономическим интересам англичан, связанных с ирландским землевладением.

Противники этой политики засыпали английский парламент, короля, Государственный Совет и другие инстанции петициями, докладными записками, в которых доказывали гибельность выше перечисленных актов для всех живущих в Ирландии англичан. Так, в 1666 году лорд-лейтенант Ирландии герцог Ормонд (сам крупнейший ирландский землевладе-

---

[1] В. Петти. Экономич. и статистич. работы, стр. 144.

[2] Подсчеты сделаны на основании данных CSPI, v. 1669—70, p. 54; G. O'Brien, op. cit., p. 186; В. Петти. Экономич. и статистич. работы, стр. 300. Размер одного куска фризов принимается равным 36 ярдам.

[3] Calendar of State papers and manuscrspts relating to English affairs, existing in the archives and collections of Venice...», London, 1923, v. XXIII, p. 461.

[4] Ф. Энгельс. Выписки по истории Ирландии 17—18 вв. — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, ОГИЗ — Госполитиздат, 1948, т. X, стр. 202—203.

[5] Essex papers. 1672—1679, ed. by Osmund Airy, London, 1890, p. 275.

лец) и Ирландский Совет убеждали короля, что «Акт о скоте» «лишит англичан в Ирландии важнейшего источника доходов, возможности платить ренты, улучшать поместья и неизбежно приведет к отливу английского населения из страны». В докладной содержится замаскированная угроза потери Ирландии как колонии[1]. В Английском парламенте во время обсуждения торгово-промышленных предприятий в Ирландии действовала оппозиция нескольких лордов, имевших поместья в этой стране (Конуэй, Инглесси, Беркли и др.), активная, но безрезультатная деятельность которой хорошо отражена в Журнале палаты Лордов[2]. Причины оппозиции крылись в характере хозяйственной деятельности англичан в Ирландии.

В начале 60-х годов 17 века значительную часть доходов английские землевладельцы в Ирландии получали от скотоводства, которое было тогда главной отраслью ирландской экономики. Арендаторы выплачивали ренту собственникам земли после продажи скота; многие землевладельцы сами занимались откормом быков и коров для вывоза в Англию[3].

«Акт о скоте» убил экспортную торговлю скотом:

Экспорт скота из Ирландии[4]:

	1641 г.	1663 г.	1669 г.
Крупный рогатый скот	45605	57545	1054
Овцы	34845	90654	1120

Это сразу же сказалось на доходах английских землевладельцев в Ирландии. Граф Оррери, имевший поместья в графстве Манстер, считал, что «Акт о скоте» снизил доходы с этих поместий с 4000 ф. ст. до 500 ф. ст.[5].

С 1667 года владельцы земли в Ирландии часто жалуются на затруднения с получением рент, уход держателей и общий упадок хозяйства[6].

«Прокламация об ограничении ввоза скота в Англию несомненно губит наше дело и нашу страну (Ирландию, ЭТ),— писал в одном из писем Георг Равдон[7]. Убытки английским землевладельцам приносили и Навигационные акты, и запрещение вывоза шерсти на континент, и помехи в развитии шерстяного производства в Ирландии. Кроме землевладель-

---

1 CSPI, 1666—1669, p. 185.

2 J. H. L., v. v. XI, XII.

3 Роль скотоводства в поместьях крупных английских землевладельцев в Ирландии хорошо видна из многочисленных писем Георга Равдона, управляющего хозяйством виконта Конуэя в Лисбурне. CSPY, v. v. 1663—1665, 1666—1669, 1669—1670.

4 CSPI, v. 1663—1665, p. 695; v. 1669—1670, p. 54—55.

5 D. Ogg, «England in the Reign of Charles II», v. II, p. 390.

6 CSPI, v. 1666—1669, pp. 305, 318, 374, 429, 471, 530.

7 CSPI, v. 1666—1669, p. 471.

цев, от всех этих мероприятий пострадали и англичане-арендаторы, и английские купцы, специализировавшиеся на экспорте скота.

Однако удары, нанесенные торговой политикой английского правительства, не привели англичан в Ирландии к разорению, так как они имели достаточные экономические ресурсы, чтобы ликвидировать возникшие затруднения. Ущемляя интересы этих слоев в области торговли и промышленности, английское правительство и парламент в годы Реставрации заботились о защите их интересов в других сферах экономической жизни. Эта забота проявилась, прежде всего в аграрной политике, закрепившей за английскими колонизаторами конфискованные у ирландцев земли. Важнейшие аграрные законы периода Реставрации «Акт об устроении» и «Объяснительный акт», хотя и говорили о возвращении земли некоторым категориям ирландского населения, обусловливали это возвращение столь сложными условиями, что фактически оно было почти невозможным. Только немногочисленные знатные роялисты из среды англо-ирландцев вернули землю в период Реставрации; что же касается основной массы ирландского народа, то ее надежды на возвращение собственности были полностью потеряны. Имея в своих руках 5140 000 акров из 7,5 млн. удобной земли в Ирландии[1] английские землевладельцы бо́льшую часть ее сдавали в аренду коренному ирландскому населению на чрезвычайно кабальных условиях. Эта усиленная эксплуатация ирландских крестьян помогла английским собственникам в Ирландии перенести удары, нанесенные им торговопромышленными актами. Денежные средства, имевшиеся у большей части колонизаторов, дали им возможность быстро перестроить свою хозяйственную деятельность, перейдя к овцеводству, торговле шерстью, молочному животноводству и экспорту продуктов питания преимущественно на европейские рынки. Эту перестройку мы можем проследить на примере уже известного нам хозяйства виконта Конуэя вблизи Лисбёрна. В конечном счете, английские землевладельцы и купцы, жившие в Ирландии, стали извлекать доходы из новых хозяйственных отраслей, развившихся в Ирландии в период Реставрации по режиссерским замыслам буржуазии метрополии. И в этой новой деятельности они поддерживались английским правительством.

Для коренного ирландского населения торговая политика имела крайне тяжелые последствия. Запрещение ввоза скота в Англию разорило многие тысячи крестьян, разводивших

[1] В. Петти. Экономич. и статистич. работы, стр. 92.

крупный рогатый скот для собственного потребления и для выплаты рент. В отличие от землевладельцев и купцов они не имели средств и условий для перехода к новым формам хозяйственной деятельности. Например, они не могли заняться молочным хозяйством, так как не было условий для переработки молока. Современники (В. Петти, Д. Стивенс, В. Темпль, Д. Дантон) отмечали, что изготовленные в грязных дымных жилищах ирландских крестьян масло и сыр были плохого качества и совершенно не годились для сбыта на английских и континентальных рынках [1]. Все вывезенное в 1685 году из Ирландии масло было изготовлено англичанами [2]. Немногие из ирландских крестьян могли перейти и к разведению скота для производства мясных продуктов, так как для этого нужно было содержать его 6—7 лет вместо 2—4, как это обычно делалось в Ирландии [3]. Это было трудно людям, над которыми довлела необходимость ежегодно платить высокую ренту английским лэндлордам. В. Петти считал, что в 1685 году производство мясных продуктов было делом исключительно английского населения Ирландии [4]. В 1667 году очень много крестьян, не имея возможности сбыть скот и выплатить ренту, бросали свои участки, на что, как уже говорилось, часто жаловались землевладельцы. «Запрещение ввоза ирландского скота привело здешних людей к отчаянной нищете. Многие из тех, кто не может находить пропитание разведением скота, чем вообще занимались ирландцы, уже встали на путь мятежа, убивая и поджигая англичан», — сообщала в 1667 году королю группа лордов парламента [5].

Английская торгово-промышленная политика ориентировала ирландскую экономику на производство необходимых колонизаторам видов сырья и затрудняла развитие промышленного производства страны. Последствием этого было замедленное развитие товаро-денежных отношений. В период Реставрации бóльшая часть ирландских крестьян еще жила в условиях натурального хозяйства, сбывая на рынке товары только для уплаты ренты. Яркую картину крестьянской жизни дает В. Петти: «...легко понять, какой может быть торговля людей этого сорта (180 тысяч ирландских семейств. — Э. Т.), потребляющих мало товаров и притом таких, какие может сделать каждый человек. Эти люди живут в хижинах, которые

---

1 Петти. Экономич. и статистич. работы, стр. 129, 146; Engl. hist. doc., v. VIII, pp. 729, 737; Ed. Mac Lysaght, Irish life in the 17 th. century. Dublin, 1939, Ap. B.; p. 329.

2 В. Петти. Экономич. и статистич. работы, стр. 299.

3 Engl. hist. doc., v. VIII, p. 737.

4 В. Петти. Экономич. и статистич. работы, стр. 299.

5 CSPI, v. 1666—1669, p. 303.

ами могут построить в 3—4 дня; питаются такой пищей, какую они (за исключением табака) не покупают у других; носят, одежду из шерсти, снятой с их собственных овец и выпряденной ими самими, а башмаки их стоят лишь 1/4 того, что стоит пара английских башмаков» [1]. О натуральном характере хозяйства ирландских крестьян и их исключительной нищете говорят и другие авторы, в том числе и один из губернаторов Ирландии граф Кларендон [2]. В таких условиях очень медленно складывался национальный рынок Ирландии, экономические связи между районами были слабыми. В 1668 году французский путешественник де Рошфор писал, что из Бельфаста легко найти транспорт в Шотландию, но он так и не смог найти никого, кто отвез бы его в г. Каррикфергус, расположенный в 8 милях от Бельфаста [3]. Слабость внутренних связей задерживала формирование ирландской нации и мешала успехам национально-освободительного движения.

Вследствие английской политики очень медленно формировалась национальная буржуазия. Ирландским купцам было запрещено не только селиться, но и приезжать для торговли в так называемые корпоративные города, какими были почти все крупные торговые центры Ирландии. Они были фактически отстранены от внешней торговли, три четверти которой находились, по мнению В. Петти, в руках английских купцов [4]. Полностью были они отстранены и от наиболее доходной торговли того времени — шерстяной. Среди нескольких десятков лиц, которым в 1678—1681 гг. были даны лицензии на вывоз шерсти в Англию, почти нет ирландцев [5]. Развитие ирландского купечества затруднялось недостатком кредита. Установленная законом процентная ставка за кредит в Ирландии равнялась 10%, тогда как в самой Англии она составляла 6%, а в Голландии даже 3%. В результате этих и некоторых других обстоятельств, созданных колониальным господством, ирландские купцы обычно становились факторами английских [6].

Наблюдая крайнюю степень нищеты ирландского народа, господство натурального хозяйства, слабые внутренние связи, неразвитость национальной буржуазии и т. п., нельзя согласиться с мнением буржуазных ученых о расцвете Ирландии в период Реставрации. Этот, так называемый «расцвет», был не чем иным, как подъемом нескольких отраслей типично коло-

---

[1] В. Петти. Указ. сборник, стр. 128.
[2] E. H. D., v. VIII, p. 729; The Correspondence of Henry Hyde, earl of Clarendon, London, 1828, v. I, p. 373; E. Mac Lusaght, op. cit., p. 329—330.
[3] E. H. D. v. VIII, p. 729.
[4] В. Петти. Экономич. и статистич. работы, стр. 299.
[5] C. M. Orm., v. IV, p. p. 665 и дальше.
[6] O'Brien, op. cit., p. 169.

ниальной экономики, обогащавших буржуазию и новое дворянство метрополии и английских колонизаторов, живших в Ирландии. В целом, торгово-промышленная политика в Ирландии была одним из рычагов превращения этой страны в аграрно-сырьевой придаток метрополии.

ВОССТАНИЕ МОНМАУТА

И. В. Фадеева

Английская революция оставила много нерешенных проблем даже с точки зрения тех, кто одержал победу в этой революции, поэтому политическая обстановка в период реставрации Стюартов отличалась крайней неустойчивостью, грозящей новыми социальными потрясениями. Ни Карл II, ни брат его и наследник, будущий король Яков II, не поняли той роли, которую отводили институту монархии новые классы. Стремление восстановить старые нормы неизбежно приходило в столкновение с силой оппозиции, и это порождало такие комбинации, когда оппозиция обращалась за поддержкой к широким слоям общества, тогда призрак гражданской войны напоминал о себе с новой силой. Именно к таким моментам относится восстание в июне 1685 года, которое возглавил побочный сын Карла II — герцог Монмаут.

Сложность и историческое своеобразие обстановки, породившие это восстание, размах и несомненное влияние на политическую ситуацию в стране позволяют выделить его из других движений, которыми так богата история реставрированной монархии. Можно проследить, по крайней мере. два конфликта, которые составляют основу восстания: конфликт в среде правящих классов, вызванный борьбой за власть между разными группами, и движение народных низов, зревшее на базе нерешенных противоречий ранней буржуазной Англии.

Советская историография, сделавшая так много в изучении английской буржуазной революции, почти не затронула период реставрации [1]. Работы английских историков за последние тридцать лет свидетельствуют о постоянном внимании к

[1] Исключение составляют работы Э. П. Телегиной, изучающей Ирландию периода реставрации Стюартов.

этой теме [1]. Последние по времени написания монографии Литтла Брайана[2] и Морлей Айрис[3] отличаются не только введением нового круга источников, но и более четкой постановкой проблемы, именно в этом они полемизируют друг с другом и, если первый предостерегает читателя от преувеличения социального значения восстания, то Морлей в нем видит главный смысл событий. Правильное решение может быть найдено, вероятно, после того, как будут установлены все возможные связи между восстанием и общественным движением периода реставрации, представленным разными классами. Данная статья ставит более скромную задачу: рассмотреть политическую обстановку в Англии на протяжении одного 1685 года и изложить последовательно события, связанные с восстанием Монмаута: изучение хода восстания, каждая операция и ответ на нее дает возможность оценить расстановку сил по всей стране. Все это позволяет надеяться, что и такой аспект темы может заслуживать внимания.

Восстание хорошо документировано разнообразными источниками, главнейшие из них: Календари государственных бумаг [4], обширная переписка и отчеты, собранные в исторических рукописях[5], материалы процессов над государственными преступниками [6]. Из шести имеющихся отчетов о битве при Седжмуре наши библиотеки располагают двумя [7].

* * *

Вскоре после прихода к власти Яков II назначает дату открытия заседаний нового парламента — 19 мая 1685 г.

Теперь, главное — провести выборы так, чтобы можно было с уверенностью положиться на новых депутатов. Маколей считал, что никогда еще с восшествия на престол Стюартов

---

[1] Curtis Sedgmoor and Bloody Assizes. L., 1930.
Ashly M. Wildman. Plotter and Postmaster. L., 1947.
Turner. James II. L. 1948.
Emerson. W. Monmouth's rebellion. L. 1951.
Morley. J. The thousand lives. L. 1954.
Little B. The Monmouth's episode L. 1956.

[2] Ibidem.

[3] Morley I. op. cit.

[4] Calendar of State Papes Domestie... CSPD

[5] Historical Manuscript Commission ... HMC.

[6] A Complete collection of State trials.., State trials.

[7] Анонимный отчет о битве (HMC Reporton... of Stopford — Sackvill v. II). Дневник барабанщика Уилтширской милиции) Iter Bellicosum. Camden Miscellany. L. 1830, v. 12).

избирательные сословия не были так хорошо расположены к королю[1]. Посмотрим, чего это стоило.

Поражает настойчивость, с какой король сам вмешивается в избирательную кампанию: «король рекомендует поддержать на выборах нужных людей» или «король удивлен, что не выбраны такие-то» и т. д. — такие выражения постоянно встречаются в письмах, выходящих из королевской канцелярии. Встречный поток писем говорил о том, что королевские замыслы находят понимание у новой администрации[2]. Но не везде выборы проходили гладко. Из 33 документов, помещенных в «Календаре», 11 говорят о борьбе, которая сопровождала выдвижение нужных королю кандидатов. Интенсивность ее в разных местах была различной. Рассмотрим интересующие нас юго-западные графства. Мэр города Чичестер пишет, что здесь очень много людей, зараженных «групповым духом». Некоторые из них «до того наглы, что выдвигают на выборах своих старых мятежных депутатов»[3], под последними подразумевались члены вигских парламентов созыва 1679 г., 1680 г., 1681 г. Опасно, что крамольные депутаты выступают на фоне ожившей оппозиции на местах. Иногда оппозиционеры действуют оперативнее должностных лиц, верных королю, и тогда оказывается, что «благонадежные люди», например, члены городского совета, уже отдали голоса нелояльным депутатам[4]. В некоторых графствах была мобилизована милиция, ибо «толпа готова подхватить любой слух, а то и начать настоящее восстание»[5]. Вообще, документы, рисующие борьбу на выборах, убеждают в том, что если в парламент и были выбраны fit persons, то оппозиция осталась в полной силе на местах. Существовал и еще один канал, по которому Яков II мог контролировать будущих депутатов. Делалось это с помощью перемены хартий бургам. Хартии, где определялись различные права бургов, в том числе и право посылать в парламент депутатов, заменялись новыми. Некоторые города вообще лишились хартий, другие уменьшили число своих депутатов, и среди них — Сомерсет[6].

Яков не забыл, как виги использовали его имя, как одна вероятность его наследования помогла им создать правительственный кризис и собрать партии Шефтсбери большинство в

---

[1] Маколей, Соч., т. 7, стр. 28.
[2] CSPD, 1685, p. 62.
[3] Ibid, p. 34.
[4] CSPD, 20.
[5] Ibid, 120.
[6] Ibid, 304—306.

парламенте 1679 г. Особенно он боялся смуты в последние дни болезни Карла II и первые дни после его смерти. Он превосходно понимал, какую роль при этом может сыграть Монмаут и колонии эмигрантов на континенте. Об этом можно судить по его распоряжениям, отданным в это тревожное время. Еще в феврале, когда стало известно, что Карл безнадежен, герцог Йоркский приказывает мэрам портовых городов Бристоля, Чичестера, Экзетера, Дортмута останавливать корабли и опрашивать всех пассажиров, прибывших из-за моря. Появляется много отчетов о расспросах деловых людей и путешественников, но вскоре обнаруживается, что такое рвение излишне. Эмигрантская оппозиция не подавала признаков жизни в феврале, марте, апреле, во всяком случае, королевской администрации не удалось обнаружить ее попытки связаться с единомышленниками на родине. Как покажет более близкое знакомство с жизнью этой эмиграции, ей понадобилось почти 4 месяца, чтобы снарядить экспедицию Монмаута.

Обстановка, которая сложилась внутри Англии, показывает, что самый удобный момент для восстания был именно в феврале или марте. В стране явно росло возбуждение. За несколько дней до смерти короля его брат отдал распоряжение о готовности милиции по всем графствам [1]. Магистраты городов встречаются с мировыми судьями, чтобы обменяться новостями. Эти встречи нередко происходят ночью, что говорит о срочности и важности обсуждаемых вопросов [2]. Когда пришла весть о смерти короля, поползли слухи об убийстве его папистами. Слухи, подхваченные простыми горожанами, распространялись быстро. Опять вспомнили о легендарных наследственных правах герцога Монмаута, побочного сына умершего короля. Об этом говорят в кофейнях и просто на улице. Передвижения людей группами, да еще вооруженных мушкетами и дубинами, вызывают подозрительность и тревогу местных властей [3]. Но время шло и чем ближе к весне, тем увереннее становился новый король. Когда выборы в парламент были позади и состав его не мог вызвать подозрений Якова II, он решил взяться за обработку общественного мнения. Для этого нужно было прежде всего наложить руку на крамольную литературу. До мая в королевскую канцелярию поступило лишь два доноса о такого рода памфлетах и с авторами расправлялись по одиночке, но 21 мая вышло распоряжение Лестранжа, возглавлявшего службу прессы, о новых правилах для компании книгоиздателей. Эти правила ограни-

1 CSPD, 17.
2 Ibid, 11.
3 Ibid, 37, 42, 24.

чивали число типографий, сокращали список торговцев книгами, владелец и управляющий типографии должны представляться самому королю. Основанием для такого распоряжения послужила «скандальная и нетерпимая свобода, которой пользовалась печать до последнего времени». Плодом совместных усилий короля и Лестранжа стал отчет о заговоре вигов. Бумаги и заметки, касающиеся этого «ужасного заговора», были собраны еще по приказу Карла II и теперь его брат, «заботясь о правде», издает распоряжение опубликовать отчет [1]. Он имел явную цель скомпрометировать вигов. В мае Англия жила тревожным ожиданием. 13 мая на севере Шотландии высадился Арчибальд Аргайл. И хотя предполагалось, что это восстание будет частью общего, Аргайл оказался изолированным не только от герцога Монмаута, который выступил лишь спустя месяц, но и от многих кланов внутри Шотландии. Таким образом, первое вооруженное выступление против Якова II было локализировано. Однако со дня на день ему могла быть оказана поддержка и внутри и извне. В своей парламентской речи Яков говорил: «Восстание в Шотландии наложило на меня заботу гораздо большую, чем кто-нибудь может представить» [2]. Действительно, донесения о беспорядках в городах довольно часты в государственных бумагах. Появление Аргайла позволило королю основательно прочесать ряды оппозиции, хотя бы в ее наиболее известной и скандальной части, т. е. среди тех, кто еще с заговора вигов считался на подозрении. Это подтверждается приказами об арестах, рассылаемых в разные части королевства. 19 мая отдано распоряжение об аресте 20 человек. Среди них имена Мэтьюза, Джона и Генри Тренчарда, Уайльдмана, Ли, Гудинафа — это все люди из враждебного королю лагеря. Всего за первую половину мая выданы ордера на арест 31 человека. Но от распоряжения до ареста лежит дистанция, которую не всегда удавалось преодолеть королевским чиновникам. Например, Уайльдман и Мэтьюз скрылись, а Д. Тренчард сумел убежать из тюрьмы [3].

Меры предосторожности, предпринятые правительством в мае месяце, были направлены на разоружение всех подозрительных. Поручить розыски оружия, схватить вооруженных людей, собрать сведения обо всем имеющемся оружии, арестовать тех, кто снабжает оружием шотландских повстанцев [4] — эти выражения стали обычными в майских приказах.

[1] CSPD, 37.
[2] Ibid, 151.
[3] CSPD, 140, 155.
[4] Ibid, 179, 187, 196.

Вероятно, вооружение «подозрительных» приобрело такой масштаб, что явилось причиной категорического приказа короля о запрете ввозить в Англию оружие без лицензии, а это практиковалось до последнего времени. Одновременно шло укомплектование королевских войск новыми офицерами и оружием. 1—2 мая, как только начали просачиваться слухи о готовящейся экспедиции Аргайла, назначается проверка готовности войск в Ирландии, туда направляются дополнительные отряды, правительство заключает договоры с оружейниками на изготовление новых партий оружия [1]. А когда пришла весть, что Аргайл высадился в Шотландии для «осуществления своих разбойничьих намерений», туда были направлены сотни бочонков пороха, 640 мушкетов, 500 карабинов, 2 тыс. фитильных ружей, 5 тонн ядер и т. д. Вообще, от начала восстания в Шотландии и до высадки Монмаута прошло не меньше трех недель и у короля было время хорошо подготовиться. Корреспонденция, собранная в Вайтхолле, показывает, что все это время было заполнено переброской войск, подготовкой милиции, сбором оружия. Правда, эффективность подобных мер может быть проверена только в столкновениях с восставшими.

Такова была обстановка в Англии, когда открылся первый парламент. Впереди говорилось о выборах в этот парламент, они предопределили его состав. Петти [2] дает интересный анализ распределения мест в палате общин. Она представлена 513 членами, из них 91 — фригольдеры и 422 депутата выбраны от 211 корпораций, а в Англии в это время насчитывалось 160 тыс. фригольдеров и только 40 тыс. членов корпораций, кроме того, имелось 800 тыс. других, которые вообще лишены права голоса. Внутри представительства корпораций места распределились следующим образом: 10 из 211 корпораций послали 22 депутата (Лондон, Вестминстер, Саутварк, Йорк, Ньюкасл, Честер, Экзетер, Бристоль, Кентербери, Ковентри), в то время как налог, вносимый ими, вдвое больший, чем налог других корпораций, которые тоже выдвинули двух депутатов. С самой мыслью о представительстве в парламенте, пропорциональном уплачиваемому налогу, английская политическая мысль давно знакома, и новый парламент становится объектом нападок со стороны недовольных. Бернет пишет, что агенты Монмаута извлекли пользу из этого, чтобы «зажечь свою партию» [3], парламент они считали незаконным. Ждать от такого парламента энергичного противодействия не

[1] CSPD, 155, 162.
[2] Inglish historical documents. N. Y. 1959, vol. VIII, p. 217.
[3] Burnet, The history of his own time, 1730, p. 18.

приходилось. Яков с нетерпением ждал утверждения своего пожизненного дохода. Французский посол Барильон писал в Париж, что Яков не делает секрета из намерения распустить парламент, если он откажет ему в пожизненном доходе. Король знает, как важно показать твердость в самом начале[1]. И действительно, первые заседания не принесли неожиданностей для Якова. Палата смолчала, когда король назначил спикера вопреки ее желанию. В своей тронной речи король заявил, что «лучший метод заставить меня собирать вас чаще — вести себя хорошо»[2]. 25 мая общины проголосовали за пожизненный доход короля, на следующий день этот закон был проведен через все инстанции. Оппозиции не было. В этой обстановке парламент осудил Аргайла.

Безмятежная гармония между королем и парламентом была нарушена один раз, но этот короткий конфликт только подтвердил робость оппозиции и силу короля. Речь идет о том моменте, когда лорд Сеймур отважился подвергнуть сомнению законность данного парламента, ибо выборы проходили через подкуп и насилие, а палата общин рекомендовала опубликовать адрес королю о применении законов, карающих любых диссентеров от церкви англиканской[3]. В их число, несомненно, попадали и католики, которые уже успели убедиться в благосклонности короля-единоверца. Яков был вне себя. Он послал за представителями общин и заявил им, что если они будут настаивать на этом адресе, то он ответит им с такой твердостью, что они никогда не захотят больше оскорблять его. Итак, назревало столкновение из-за защиты ортодоксального англиканизма. Но общины готовы были проявить упорство и взять реванш за проявленное раболепие в первые дни. Виги подогревали настроение, встречая членов палаты повсюду, где можно. Однако пороха хватило ненадолго: как только пришло известие о высадке герцога Монмаута, все трения между королем и парламентом были забыты. Прошел билль, осуждающий Монмаута за высшую измену, и обе палаты высказались за экстраординарные расходы на подавление восстания (400 тыс. ф. на снаряжение армии и 5 тыс. за голову самого герцога)[4]. С таким парламентом Монмаут не мог рассчитывать на изоляцию короля, десант в Лайме моментально снял налет оппозиционности с депутатов.

* * *

Переговоры, начавшиеся в различных кругах эмиграции, сразу же после смерти Карла II, выявили несколько групп

[1] Turner, James II, 1948, p. 286.
[2] Ibid, p. 272.
[3] Ibid, p. 274.
[4] Ogg. England in the reign of James II and William III, vol. I, 147.

с различными интересами. В самой Голландии можно различать по крайней мере 3 кружка:

1. В Роттердаме шотландцы республиканских взглядов. Наиболее известны среди них участники вигского заговора — Юм, Гудинаф, Флетчер. Они с подозрением отнеслись с самого начала к кандидатуре руководителя будущего восстания — герцогу Монмауту. При первой же встрече с Монмаутом Юм хотел получить от него клятву, что герцог никогда не будет стремиться получить корону [1].

2. Шотландцы из окружения графа Аргайла и сам граф Аргайл. Этот глава крупнейшего клана на севере Шотландии имел свои давние счеты со Стюартами. В правление Карла II он был осужден за государственную измену из-за попытки поднять восстание против короля в Шотландии, бежал в Голландию и теперь хотел отомстить Якову за свои обиды. Он не склонен был брать на себя какие-то обязательства и участвовать в широко задуманной кампании первой группы, где его высадке придавалось значение отдельной операции в общем восстании, территорией которого должны стать Англия, Ирландия, Шотландия. Наоборот, он сам хотел использовать Монмаута в своих целях. Поэтому трудно сказать, что больше объединяло или разъединяло его с остальными эмигрантами. Сразу же возникли разногласия из-за места высадки десанта. Однако у Аргайла были деньги, заранее разработанный план и твердый характер, свое вторжение он начал готовить еще зимой 1684—1685 г. [2].

3. Монмаут и его сторонники. Два года, которые отделяли его от событий вигского заговора, герцог старался прожить как можно незаметнее. С трудом вымоленное прощение у отца позволило ему после провала заговора уехать в Голландию, где он, обласканный гостеприимством Марии и Вильгельма Оранских, избегал сомнительных встреч и крамольных знакомств, чтоб не раздражать своих высоких покровителей. Когда Вильгельм Оранский предложил ему отправиться в поход в войсках императора против Турции, он предпочел будуар Генриетты Вентворт полю брани. Наиболее энергичные его друзья, вроде Фергюсона, старались втянуть герцога в задуманное предприятие, наконец, он сдался.

Наиболее интересна и наименее известна среди сторонников будущего восстания группа республиканцев в Лондоне. Менее известна эта группа осталась потому, что республиканцы в Лондоне были под бдительным наблюдением Якова и малей-

---

[1] Emerson, op. cit., p. 11.
[2] Little B., op. cit., p. 85.

ший шаг был связан с большим риском. Тем не менее, они установили связи с эмигрантами в Голландии, но большие разногласия с Монмаутом и контроль правительства почти исключили возможность их участия в восстании. Самым известным и авторитетным в этой группе был майор Уайльдман, бывший левеллер, автор нескольких памфлетов, активный участник Путнейских диспутов. Его родственник Дисней и Крэгг помогали ему держать связь с эмигрантами и с группой оппозиционеров на юго-западе, возглавляемой вигами: лордами Деламером, Маклесфилдом, Брэндоном, последних английский историк Эшли называет полуреспубликанцами [1].

Взаимодействовать все эти группы начали уже в феврале. В это время герцог Монмаут получил письмо от Юма из Брюсселя. Юм излагал план будущего восстания и предлагал встретиться, чтобы обсудить его вместе. Около этого времени, — пишет Эмерсон, — Монмаут встретился с шотландским комитетом в Роттердаме [2]. Из отчета Юма об этой встрече известно, что Монмаут согласился с ним в том, что если Яков не будет смещен скоро, то он может так усилиться, что установит тиранию в свое удовольствие. Несмотря на свое принципиальное согласие с шотландцами, Монмаут свое участие в восстании связывал только с Англией. После этих переговоров будущий вождь восстания удалился в небольшой городок Годо. Его пугала мысль, что ему придется расстаться со своим безмятежным счастьем. Даже незадолго перед высадкой, когда уже был назначен день, снаряжены корабли и отступление было невозможно, он писал своим друзьям на западе Англии о сомнениях и трудностях, которые его ждут, и в конце письма признавался, что он «склонен сейчас к уединенной жизни, о которой нельзя писать по почте» [3]. Монмаут до конца не верил в дело, за которое взялся, и пока ему сопутствовал успех в Англии, его настроение не отражалось на общей борьбе, но как только восставшие столкнулись с первыми неудачами, он растерялся, сник и в момент, когда восстание нуждалось в твердой воле и решительном руководстве, почти отстранился.

Насколько можно судить по материалам процессов, планы эмигрантов нашли отклик в Англии. Но если с лордами из Чешира установилось понимание, то в отношениях между Монмаутом и Уайльдманом было много неясностей. После разгрома восстания лорд Деламер предстал перед судом, и показания свидетелей на его процессе рисуют довольно подробную

---

1 Emerson, op. cit., p. 13.
2 Ibid.
3 Ashley, op. cit., p. 283.

картину, как устанавливались и поддерживались связи между конспираторами. Что касается Уайльдмана, то он исчез еще до того, как восстание потерпело поражение и перебрался на континент. Улики против него противоречивы, однако, после восстания он был объявлен вне закона. Таким образом, не существует такого богатого источника как процессы по делу Уайльдмана, однако, свидетели на процессах других осужденных так или иначе касались его роли в восстании.

Вскоре после смерти Карла II, независимо друг от друга, из Чешира и из Лондона в Амстердам прибыли два гонца с одинаковой миссией: установить контакты между заговорщиками в Англии и эмиграцией, а также внутри эмиграции между Монмаутом и Аргайлом [1]. Посланник от лондонских республиканцев получил письмо с просьбой собрать деньги на нужды будущего восстания. Однако неожиданно Монмаут получил отказ на свою просьбу. «Или он будет сражаться вместе со мной, или я повешу его», — велел Монмаут передать Уайльдману [2]. Но в письме более делового содержания предлагалось установить связи между Лондоном и Чеширом.

Мы не располагаем источниками, которые бы позволили объяснить позицию республиканцев в Лондоне, поэтому сошлемся на мнение историков, чьи исследования строились и на архивных документах. Эшли [3] предлагает две версии отношений Уайльдмана к Монмауту:

1. Уайльдман хотел заставить Монмаута ждать до тех пор, пока силы правительства не будут отвлечены восстанием Аргайла.

2. Уайльдман хотел заставить Монмаута пойти в Лондон и возглавить вооруженное восстание здесь, если Аргайла постигнет неудача. Эмерсон [4] считает, что среди республиканцев: Уайльдмана, Дэнверса, Диснея в Англии и Чарльтона, Гудинафа, Флетчера в Нидерландах существовало опасение, что Монмаут может потребовать слишком высокую цену за свое предательство, а Юм хотел даже получить от него клятву в том, что тот ничего «не будет делать для захвата короны». Суждения Эшли и Эмерсона подтверждают друг друга: вероятно, республиканцы допускали, что Монмаут встанет во главе восстания, но это должно быть оговорено рядом условий. Литтл Б. полагает, что между Уайльдманом и Монмаутом не было настоящего понимания [5]. Подчинение первого второ-

---

[1] State trials, vol. 11, p. 542—545.
[2] Ibid., p. 533.
[3] Ashley, op. cit. 258.
[4] Emerson, op. cit., p. 10.
[5] Little, op. cit., 85.

му могло быть чисто формальное: нужно имя, вокруг которого легко объединить недовольных.

Уайльдман планировал революцию, а не вооруженное вторжение, — утверждает Морлей, — Лондонские республиканцы требовали, чтоб на них смотрели как на основу организации, но это не хотели признавать другие. Высшее эмигрантское командование полагало, что лондонские республиканцы имеют возможность сейчас искупить свою более чем уклончивую позицию, которую они заняли в 1683 г., но не диктовать [1].

Таким образом, выводы, на которые наш источник лишь намекал, подтверждаются сведениями, добытыми из разных документов у историков: Уайльдман первый послал связного в Голландию с целью заставить встретиться Монмаута с Аргайлом и положить начало общему делу. Однако попытка Монмаута давать руководящие указания Лондону окончилась неудачно — на его требование прислать денег было отвечено отказом. Монмаут понял, что дело не просто в деньгах, но и в том, хочет ли Уайльдман ему подчиниться. Отсюда, его резкость и обвинение Уайльдмана в соблюдении только своих интересов.

Гораздо больше общего было у Монмаута с вигскими деятелями — лордом Деламером, лордом Маклесфилдом, лордом Брэндоном из Чешира. Есть все основания полагать, что в Чешире готовилось восстание, только организаторы находились в очень тяжелых условиях постоянной слежки. Из бумаг Календаря известно, что к концу мая Яков утроил бдительность.

Что касается подготовки «материальной части» предстоящего восстания и сбора денег, то и здесь дела обстояли неважно. Монмаут внес 3 тыс. фунтов ст.; драгоценности Генриетты Вентворт, мечтающей о будущем королевы, принесли еще 2 700 фунтов ст. Вэйд показал на суде, что на 3 тыс. было куплено 2 небольших корабля, латы для 3 тыс. человек пехотинцев и кавалеристов, 4 маленькие пушки, порох и петарды [2]. Но слуга Монмаута утверждал, и тоже под присягой, что у Монмаута никогда такой суммы не было [3].

Известно, что экспедиция повстанцев снаряжалась и при помощи голландских денег. Голландские друзья повстанцев наняли один большой корабль «Гельдеренберг» и два легких судна. Вильгельм Оранский смотрел сквозь пальцы на приготовления конспираторов. Городские власти в Амстерда-

---

[1] Morley op. cit. 177—179.
[2] State trials, vol. 11, 553.
[3] Little, op. cit., 86.

ме сблизились с Фергюсоном и другими инициаторами [1].

Разновременность высадки Монмаута и Аргайла принесла несомненное преимущество Якову. Хотя большая доля внимания короля направлена на север и многочисленные приказы о собирании войск направляются в Шотландию, однако, король понимает, что нужно ждать еще одного десанта. Яков был совершенно дезориентирован относительно места высадки Монмаута, об этом говорит его письмо Вильгельму Оранскому от 12 июня, т. е. день спустя после высадки в Лайме. Король полагал в письме, что герцог высадится или в Шотландии, или в Ланкашире, или в Чешире [2] (известие о появлении Монмаута он получил позднее). Поэтому адреса военных приказов разбросаны по разным графствам [3]. Сосредоточить большое количество войск на юго-западе королевства Яков не смог.

* * *

Монмаут отплыл из Голландии 30 мая. Эскадре из 3-х кораблей предстояло преодолеть путь в 400 миль, на что ушло 11 дней. За это время маленькому отряду была придана форма организации: Томас Дарэ — золотых дел мастер из г. Таунтона, ольдермен этого города, богатый человек, изделия его имели свою метку и славились по всей Англии — стал казначеем [4]. Фергюсон — политическим советчиком и главным лицом по пропаганде. Вэйд, законовед из Бристоля, лорд Грэй, Мэтьюз — возглавят отдельные полки восставших. Наконец, сам герцог Монмаут, бастард, «племянник» правящего дяди — предводитель довольно пестрого отряда, пока не превышающего 150 человек.

10 июня мятежники достигли берегов Дорсетшира — юго-западного графства Англии, а на следующее утро — 12 июня — бросили якорь в Чезил Бэнк. Было решено разведать обстановку в ближайших деревнях, и Дарэ с двумя джентльменами повел пятивесельный бот к берегу. Первая встреча с англичанами не принесла радости: рыбаки из ближайшей деревни оказались верными подданными своего короля, а их деревня, как выяснилось из осторожных расспросов, была сплошь католической. Но это не обескуражило Дарэ и они направились прямо к г. Таунтону [5].

В это время «Гельдеренберг» стоял на рейде порта Лайм-Риджис и вызывал различные толки и догадки. Он был без опознавательных знаков, но моряки видели, что это или фран-

---

1 CSPD, 1685, p. 180.
2 CSPD, 192.
3 Ibid, 175—190.
4 Seyer S. Memoir of Bristol, Bristol, 1824, p. 521.
5 Little, op. cit. 29.

цузский, или голландский корабль. Смотритель порта выслал лодку, чтобы узнать подробности. Тем временем, из деревни, где только что побывал Дарэ и его спутники, сообщили мэру Лайма об этих подозрительных, и мэр выслал погоню, чтоб арестовать их. В городе начало расти беспокойство. Корабли стояли на расстоянии пушечного выстрела и попытайся мэр поджечь их — возможно всему предприятию пришел бы конец. Однако мэр на это не решился, и скоро Монмаут со своим отрядом маршировал по улицам Лайма. Встреча, которую оказал ему город, делает понятной позицию мэра: на улицах слышались приветственные крики: «Монмаут! Монмаут! Протестантская религия» [1]. Около собора, под зеленым знаменем с надписью: «Нет страха, кроме Бога!» шла запись добровольцев. Монмаут чувствовал себя хозяином города. Он пополнил казну, взяв 400 ф. из таможенных денег, отменил городскую хартию, данную Яковом II и урезающую права бурга. В этот же день корабли были разгружены и первые добровольцы сразу вооружились привезенным оружием [2]. Из окрестностей Лайма, соседних сотен, из восточного Девона, граничащего с Дорсетширом, шли сторонники герцога. К вечеру 12 июня повстанцы насчитывали 1000 пеших и 150 всадников. На следующий день перед этим войском была зачитана декларация, составленная заранее Фергюсоном и имеющая целью придать определенную идейную направленность всему движению. В декларации выделены три момента: обвинение Якова в измене нации — ему приписывались все неудачи, постигшие Англию в правление Карла и даже отравление самого короля; затем, определялось место парламента в будущей политической жизни, предусматривалось восстановление попранных прав бургов, при этом ни слова не говорилось о главе государства, и, наконец, провозглашалась защита протестантской религии [3].

15 июня Монмаут выступил со своим отрядом в 2 тыс. пеших и 300 всадников из Лайма в Бридпорт навстречу королевской милиции [4].

Яков получил известие о высадке Монмаута в ночь с 11 на 12 июня. Король знал об отплытии кораблей Монмаута, но был совершенно дезориентирован относительно места его высадки. Поэтому Монмаут не мог встретить на первых порах организованное сопротивление королевских войск [5]. 13 июня

---

[1] Little. op. cit. 99.
[2] CSPD, 195.
[3] О Декларации см. подробнее статью «Идеология восстания Монмаута». Ученые записки ГГУ, вып. 88, ч. I, 1968.
[4] Curtis, op. cit. 19.
[5] CSPD, 158.

государственный секретарь рассылает от имени короля письма всем наместникам графств, на территории которых может развернуться восстание. Было бы тщетно искать в этих письмах призывы к разгрому мятежников. Речь идет о том, как и где лучше собрать милицию.

Герцогу Сомерсетскому, герцогу Олбемарлю, герцогу Бьюфорту, графу Дорсетскому приказано поднять милицию и маршировать на соединение с другими силами [1]. Больше того, король предупреждает, чтобы они воздержались от попыток атаковать Монмаута, их задача: удержать «бродяг» от перехода на сторону герцога. Милиция, на которую могут опереться королевские наместники, немногочисленна: в ответ на просьбу Олбемарля о помощи, король высылает 4 эскадрона конницы, 2 эскадрона драгун, 5 отрядов пехоты [2]. Офицерам милиции щедро увеличивают жалованье, рассылаются списки вознаграждений. И одновременно наместники облекаются чрезвычайными полномочиями для карательных мер против всех подозрительных [3].

В эти напряженные, насыщенные событиями дни парламент занимают вопросы, несомненно, порожденные обстановкой восстания. Создана комиссия для рассмотрения мер, предотвращающих падение цен на зерно и шерсть. Кризис шерстяной промышленности отразился на положении массы ремесленников, занятых обработкой шерсти. Парламент понимал, что у Монмаута может оказаться беспредельный источник рекрутов. В этот же день вечером Общины ждали короля с верноподданническим адресом и под бой барабанов объявили герцога Монмаута изменником. Через три дня обе палаты вотировали королю пожизненный доход. Так, Яков осуществил без затруднений первую из задач, которую он себе наметил в самом начале правления.

Тем временем, восстание разрасталось. Путь Монмаута к Таунтому — крупному ткацкому городу — лежал через небольшие городки Дерсетского и Сомерсетского графств: Чард, Аксминстер, Илминстер. В непосредственной близости от восставших в Чарде стоял королевский полковник с 200 всадниками и небольшим отрядом милиции. Черчилль — другой офицер королевской армии — с милицией Дорсетшира был на пути к Аксминстеру, откуда в эти самые дни герцог Сомерсетский писал умоляющие письма в Лондон, прося по-

---

[1] CSPD, 192.

[2] 1 troops = 80 человек, 1 company = 100 человек, 1 redgiment = 12 company (CSPI vol 4, p. 388).

[3] CSPD, 199, 200, 201.

мощи. «Это совершенно необходимо, т. к. простой народ может подняться каждую минуту»[1], и это не было преувеличением.

Черчилль подошел к Аксминстеру до появления там восставших, но он отказался от всякой попытки атаковать их[2]. Таким образом, оба города были открыты для армии Монмаута. Вероятно, это сыграло решающую роль в выборе направления на Таунтон, оставляя в стороне Экзетер. Последнее обстоятельство историки[3] ставят в вину Монмауту, ибо этот город доставлял много хлопот наместнику Девонширского графства и держал его в постоянной тревоге[4]. В случае победы восставшие могли воспользоваться оружием и амуницией, нужду в которых они ощущали до самого конца восстания.

Король получает известия с юго-запада на 2—3 дня позднее событий. Только 17 июня он узнал о выходе Монмаута из Лайма и с этого дня появляются распоряжения о подтягивании королевских сил к границам восстания. Уилтширская милиция собирается в Солсбери и отсюда начинает свой марш на запад. Оксфордская милиция сосредотачивается в Рединге, Кентская — охраняет южные подступы к Лондону, герцог Бьюфорт спешит к Бристолю[5]. Но распыленность королевских сил еще не самая большая беда. Трудность для Якова вначале проистекала от того, что он и не мог изменить это положение и бросить все свои силы на подавление восстания, ибо должен был бороться с мятежниками у себя в тылу или караулить эту опасность. Вот почему в Рединг двинута только часть милиции, а остальная охраняет город Оксон, где начались беспорядки[6], в Рэй направлены 200 человек для наведения порядка , а в Лимингтоне (Гэмпшир) сам мэр возглавил отряды «бунтовщиков» и занял район Нью Форест. Вот почему Олбемарль, под началом которого вся Девонширская милиция, как привязанный ходит вокруг Экзетера и не может оставить его у себя в тылу, а к концу марша Монмаута, когда место событий переместится далеко от Экзетера и Олбемарль двинется на помощь Черчиллю, в Экзетере останется граф Бат с частью милиции, да и по дороге Олбемарль вынужден оставлять гарнизоны[7]. Местным властям постоянно напоминают, что нужно удержать народ от перехода на сторону

1 HMC... Stopford Sackvill, vol. I, p. 2.
2 Ibid., 3.
3 Little, op. cit., 191, Curtis op. cit... 30.
4 Переписку с Лондоном см. CSP, p. 200—205.
5 CSPD, 204.
6 Ibid.
7 CSPD, 247.

Монмаута и многие офицеры вместо наград за участие в сражениях получают благодарности за сохранение спокойствия.

А Монмаут тем временем, взяв Аксминстер и пополнив свои отряды новыми сторонниками, а свои запасы — оружием, фуражом и повозками, направился к Чарду. На следующий день был взят Илминстер и путь на Таунтон открыт. Девонширская милиция вернулась на запад, герцог Сомерсетский отвел свои отряды на восток. Именно в это время Фитцгардинг, тоже отступивший в Братон, писал, что не верит, что к нему придут новые рекруты и боится, что скоро восставшие станут хозяевами всего графства [1]. Таким образом, Таунтон никто не собирался защищать и ничто не мешало ему принять Монмаута и его армию. 17 июня рано утром «городская толпа» направилась освобождать заключенных из тюрм, накануне она захватила оружие из домов «честных людей». Во главе ее встал «скандальный нонконконформистский священник» Винсент. Они встретили армию Монмаута по дороге к Таунтону. К вечеру восставшие расположились в городе, подтащили свои четыре пушки, выставили посты [2].

На осенних ассизах, из показаний одного очевидца выяснились некоторые детали того, что происходило в эти дни в Таунтоне. Оказывается, члены городской корпорации только под большим нажимом буквально под дулом пистолета поставили свои подписи под декларацией восставших. Это известие косвенно подтверждается другими источниками. В «Истории Сомерсета», с ссылкой на манускрипт Британского Музея, говорится, что за исключением одного джентльмена, одного аптекаря и одного купца — ткачи, кузнецы, плотники, каменщики, каменотесы, сапожники, пивовары были главной силой, влившейся в армию Монмаута в этом городе [3]. Казначей повстанцев Гудинаф жаловался, что казна пополнилась меньше, чем он ожидал. В целом, Таунтон добавил около тысячи рекрутов из самого города, да еще из местечек и деревень, окружавших Таунтон. Можно говорить, что Таунтон стал кульминацией восстания. Но весь энтузиазм, который здесь встретил Монмаут, не мог возместить отсутствие в его рядах джентри. «Мы удивлены, почему нет с нами джентльменов. Хорошо, мы сделаем дело и без них, но потом и их имущество поделим» [4], — говорили в окружении Монмаута. Шел уже восьмой день восстания и можно было определенно говорить,

---

1 HMC... Stopford Sackvill, vol I, p. 8.
2 Little B., op. cit. p. 112.
3 VH Somerset, vol. II, 211.
4 Morley, op. cit. 199.

что джентри, в целом, восстание не поддержали. 19 июня Монмаут собрал военный совет. Туда вошли: герцог Монмаут, лорд Грэй, Фергюсон, Вэйд, Холмс, Веннер, Гудинаф и др. На совете подлежали обсуждению вопросы политические и военные. Первые возникли в результате намерения Монмаута провозгласить себя королем. Это противоречило всем обещаниям, данным Монмаутом до вторжения и как маневр не оправдал надежд, которые возлагались на него: привлечь джентри. Спустя несколько лет после восстания, издатель «Мартиролога» запишет в предисловии: «Многие не знали о его намерении объявить себя королем и не одобрили, когда это случилось» [1]. Но кто эти «многие»? В тексте «Мартиролога» сколько угодно доказательств того, что сторонники Монмаута верили в его законные наследные права, но те, кто был предан республиканским взглядам, осуждали его, несмотря ни на что. Рэмбольд на следствии заявил, что Монмаут нарушил слово, когда провозгласил себя королем [2]. Очевидно, что и в совете, собранном в Таунтоне, не было единодушия по этому вопросу: Вэйд, Холмс, Гудинаф, Веннер известны как горячие сторонники республиканской идеи. Что именно заставило их принять этот план — можно только предполагать. Сам Монмаут в письмах к Якову из тюрьмы клялся, что титул короля ему был навязан [3], но его искренность сомнительна.

20 июня на рыночной площади Таунтона была зачитана прокламация, которая объявляла герцога Монмаута законным и правомочным королем под именем Якова II, за голову герцога Йоркского назначалась значительная сумма денег, налоги народ должен платить новому королю, а парламент подлежал роспуску как мятежная ассамблея [4]. Эта прокламация явилась итогом обсуждения политических вопросов.

Военные решения совета, вероятно, связаны с полученным сообщением о том, что Черчилль появился у Аксминстера. Именно в этот день произошло столкновение между отрядом восставших и солдатами Черчилля. Об этом известно из донесения Черчилля королю [5]. Совет решил тотчас покинуть Таунтон, ибо недостаток кавалерии и бедность вооружения не позволяли надеяться на немедленный успех. Первоначальный план Монмаута состоял в том, чтобы идти на соединение со своими сторонниками в Чешире, а затем в Лондон, альтерна-

---

[1] Martirology, p. 100.
[2] Lives English and Foreigners. L. 1704, vol. II, p. 123.
[3] A Copy of the Papers to wich the... Duce of Monmouth referred... upon the scaford. 1724, p. 1072.
[4] State trials, vol. 10, 1052.
[5] CSPD, 216.

тивный план — Бристольское направление через Бриджуотер [1]. Окончательно решено, что Бриджуотерское направление самое безопасное и 21 июня Монмаут вывел свою армию из Таунтона. Восставшие насчитывали около 7 тыс. человек [2]. К ним присоединились: полковник Бэссет — старый офицер кромвелевских «железнобоких», который привел отлично организованный полк, лондонский ткач с вооруженными людьми, Гэмпширский джентльмен влился в армию восставших со своими профессиональными солдатами [3]. Вся пехота восставших была поделена на пять полков, во главе которых встали Вэйд, Фулкнес, Бэссет, Мэтьюз, Холмс. Конница была под началом у Грэя.

Один день перехода отделял Монмаута от Бриджуотера. Стояла сухая июньская погода, которая избавила восставших от многих трудностей похода не только в этот день, но и в ближайшее время. Все шло прекрасно. Бриджуотер встретил Монмаута с энтузиазмом, сам мэр города во главе горожан вышел встречать его за городские ворота. Для солдат были готовы кров и пища. Новые рекруты пополнили их отряды, а ремесленники города взялись за изготовление оружия из кос, насаженных на палку. Отряды по 200 человек из таких «skythmen» были присоединены к каждому полку [4]. Существует немного документов, которые бы позволяли судить о конкретных отношениях повстанцев и населения, тем более дорог приказ, подписанный казначеем армии Монмаута — Гудинафом и направленный высшему констеблю Бриджуотера [5]. В нем говорилось о том, чтобы в городе были собраны все плотники и еще 190 рабочих из близлежащих сотен для «дела Его Величества», а также жители, которые могли бы продать хлеб и другую провизию по разумным ценам, без ущерба для них. Вероятно, жители охотно откликались на это, иначе трудно объяснить многочисленные приказы из Лондона, требующие предотвратить подвоз провизии восставшим из окрестных деревень [6].

В то самое время, как Монмаут находился в Бриджуотере, он получил известие о нескольких группах в Лондоне, готовых

---

1 Morley, op. cit. 200.
2 Little, op. cit. p. 124.
3 Ibid.
4 Little, Morley.
5 HMC, p. 12.
6 CSPD, pp. 201, 204, 206.

поддержать восстание, но не имеющих своего руководителя [1]. Эта новость никак не отразилась на планах восставших, по-прежнему главным считалось Бристольское направление.

Монмаут и его советники были плохо осведомлены о передвижениях королевских войск и об их готовности. Зато король необычайно внимателен и требователен к сбору информации о восставших. Он посылает агентов в распоряжение Гэйнсборо, Бьюфорта, герцога Сомерсетского и требует от них оказания помощи этим агентам в сборе информации о восставших[2]. Уже 19 июня король знал, что Монмаут собирается идти на Бристоль и отдал приказ о передвижении войск. Путь Монмаута лежал через Бриджуотер, туда и направлялись теперь Черчилль и герцог Сомерсетский. 20 июня из Лондона вышел Февершэм со своим отрядом. Он назначен командовать всеми королевскими силами. Однако 21 июня стало известно, что Бриджуотер — в руках восставших. Ближайшим от Бристоля городом был Бат. Скорость решала дело. У Монмаута — небольшая конница и именно в коннице — сила королевского войска. В одном из писем Черчиллю король добавляет, что если случится так, что у солдата погибнет лощадь, нужно купить другую как можно скорее [3]. Это говорит о внимании, какое король оказывал своей кавалерии. Монмаут не хуже короля знал толк в военном деле, но его войско состояло по преимуществу из пехоты не по его выбору и в этом был скорее социальный, а не военный смысл.

Итак, Черчилль направляется к Бату. По донесениям агентов это — лояльный город. Герцог Сомерсетский со своей милицией и Февершэм с войском должны встретиться в Бристоле, где их ждет граф Бьюфорт с милицией, состоящей из 21 отряда, что равнялось 2100 человек. Сюда же, в Бристоль, должна прийти милиция Девоншира и Дорсетшира. На собирание сил у Бристоля король отводил 14 дней [4]. Чтобы поднять воинский дух королевской милиции, ей назначается такая же плата, как и королевскому войску [5]. Запасы оружия из Плимута, Шрюсбери, Честера свозятся в Бристоль. Бьюфорту приказано вооружить два корабля, которые бы контролировали устье реки Эвон у Бристоля. Королевская сторона гото-

[1] Эту новость принес Мэнли, сын того Мэнли, который сблизился с кружком Монмаута в Голландии и принял участие в восстании с первых дней. Он и был отправлен Монмаутом в Лондон, чтобы возглавить восстание республиканцев. Однако единственный источник, доступный нам — это протокол допросов свидетеля, который якобы подслушал разговор между Мэнли и Монмаутом. Но это не дает права судить о событиях в Лондоне.

[2] CSPD, 208.

[3] Ibid. p. 215.

[4] CSPD, 220.

вилась к настоящему сражению и местом его избран Бристоль — второй город Англии после Лондона, крупнейший торговый центр, чутко реагировавший на все события гражданской истории.

Монмаут решил идти на Бристоль не прямо, а через холмы Мендипа. Разработки угля и свинца придавали своеобразие всему укладу экономической и социальной жизни этого уголка Сомерсетшира. Здесь средневековые права лордов и держателей уживались, усиливались, переплетались с законами о нанимателях и работниках, с законами об условиях заработной платы и т. д. «Бунты не были редким явлением на холмах Мендипа» [1].

Таким образом, Монмаут не пренебрегал ни одной возможностью пополнить свою армию. В Мендипе Монмаут не просчитался. Историки этого восстания считают, что горняки свинцовых разработок и угольных шахт первыми примкнули к армии повстанцев [2]. 23 июня Монмаут прошел местечко Шептон Моллет, вновь пополнив свои ряды, а 25 июня остановился в деревне Пенсфорд, что в пяти милях от Бристоля [3]. Все как будто говорило о намерении Монмаута атаковать город. Очевидно, какой перевес в силах он получил бы, овладев Бристолем. Но он опоздал. Уже 24 июня Февершэм был в Бате с небольшими, но регулярными частями, следовательно, он мог опередить Монмаута, а вслед за восставшими, почти наступая им на пятки, шел полковник Олгеторп со своей конницей. Он вошел в Пенсфорд немногим позже, чем повстанцы, и те покинули деревню ночью, в спешке, в дождь, оставив часть лошадей и оружия [4]. Уилтширская милиция уже шла на соединение с Февершэмом [5]. Монмаут ждет вестей из Лондона и Чешира. Но единственная новость из Чешира та, что лорд Деламер, который должен был возглавить восстание в этом графстве, арестован 25 июня [6]. Тем не менее, Монмаут решил идти на Бристоль. Несколько бристольцев из окружения Монмаута — Вэйд, Роу — горячо доказывали, что город на стороне восставших и готов подняться по первому сигналу. Возможно, Монмаут просто не знал о передвижениях королевских войск и о силах, сосредоточенных в Бристоле и на подступах к нему. В ночь на 26 июня восставшие подняли и привели в порядок мост через реку Эвон, в местечке Кейнсгам, почти напротив Бристоля, а утром предприняли атаку на южные

1 VH Somerset vol. II, p. 317.
2 Little. op. cit., 133.
3 Iter Bellicosum. p. 141.
4 HMC... Ormond, vol. VII, p. 344.
5 Iter Bellicosum, p. 159.
6 CSPD, 230.

ворота города. Но вскоре выяснилось, что Февершэм этой же ночью перебросил свои отряды из Бата в Бристоль и, атакуя город, восставшие столкнулись именно с ними. Во-вторых, Олгеторп решил прорваться из Пенсфорда к Бату тоже через Кейнсгам и Монмаут решил, что его атакуют с тыла [1]. Наконец, в-третьих, в Бристоле возник пожар. История города хранит много разных версий о причинах его возникновения [2], но большинство сходится на том, что в городе назревал заговор против короля и Бьюфорт пригрозил, что он подожжет город при малейшем подозрении. Пожар на одном из кораблей в порту, который якобы должен служить сигналом заговорщикам, заставил Бьюфорта привести свою угрозу в исполнение. Узнав об этом, Монмаут сказал, что «Бог воспротивится, если я своих друзей и город ввергну в расправу огнем и мечом ради наших целей», и повернул от Бристоля к Бату.

Историки расходятся в мнении относительно правильности выбора Монмаута [3]. Подсчет сил, противостоящих восставшим в Бристоле, позволит уяснить картину, хотя скудость источников не дает права ответить категорически: прав или неправ был Монмаут.

Еще 17 июня в распоряжении Бьюфорта было 2 эскадрона конницы и 5 отрядов пехоты (160 и 500 человек). Но по мере того, как подходили новые силы из разных мест, число солдат Бьюфорта росло и к 24 июня милиция и гарнизон города насчитывали 3 400 человек [4]. Февершэм привел из Бата конницу в 250 человек, и Олгеторп имел под началом несколько сотен всадников. Численно армия Монмаута превосходила королевские силы: еще в Таунтоне она насчитывала около 6 тыс. [5], однако, ее представляла, в основном, пехота, обутая в башмаки домашнего производства, которые вышли из строя после двухдневного дождя. И, что еще хуже, у повстанцев не было хорошего вооружения. Даже Грэй, командующий конницей восставших, который в своих показаниях склонен преувеличивать число участников восстания, признавал, что у них было только 4 хороших упряжки лошадей, остальные — бычьи[6]. Отряды skythmen, добавленные к каждому полку после Бриджуотера, не могли соперничать в вооружении с мушкетами.

Настроение в армии Монмаута заметно упало. Начали

---

[1] HMC. Stopford Sackvill, v. I, p.14.

[2] Seyer. op. cit., 525—526.

[3] С. Кэртис считает, что Монмаут допустил просчет, не атаковав Бристоль, Морлей придерживается противоположного мнения.

[4] Seyer. op. cit., 528.

[5] Curtis op. cit., 28.

[6] Little op. cit. 138.

сказываться усталось, удаленность от дома. Зная это, совет армии отказался от намерения идти в Глостер — суконодельческий район, где поддержка населения была бы обеспечена, а решил идти в Уилтшир только потому, что он ближе [1]. С этого момента Монмаут теряет инициативу. Он направляется в город Фрум, в то время как Февершэм стягивает к Бату последние отряды из направленных к нему Уилтширской и Девонширской милиций [2]. После однодневного перехода, восставшие достигли деревни Филипс Норт. Здесь была предпринята попытка убить Монмаута, вероятно, действовали люди Февершэма [3]. Последнее обстоятельство и неудача у Бристоля так угнетающе подействовали на Монмаута, что он решил бежать, когда они были уже в Фруме, бросив армию и дело, которое взялся возглавить. Об этом сообщил на допросе Вэйд, один из руководителей восстания и сподвижник Монмаута [4]. И хотя бегство так и осталось пока намерением, психологическое влияние на армию ее предводителя начинает ослабевать.

Февершэм двинулся от Бата вслед за Монмаутом [5]. Возле Фрума он расположил свои части отдельными лагерями, направив пушки в сторону восставших, которые остановились на берегу реки Лэйн. Но ни одна из армий не решилась атаковать противника, все военные действия ограничились перестрелкой и несколькими убитыми. Почему Февершэм не начал сражения? Из отчета о марше Февершэма известно, что в эту ночь лил дождь и Февершэм отказался от атаки [6]. А в «Календаре» за 28 июня помещено сообщение о том, что к Февершэму направляется еще 3 шотландских полка, находившихся до сих пор в Голландии [7]. Возможно, командующий королевскими войсками не хотел начинать без этих регулярных частей профессиональных солдат, это предположение подтверждается тем, что и на следующий день Февершэм не начал сражения, а снял свой лагерь и перешел в Брэдфорт. Однако передовые отряды Уилтширской милиции 30 июня уже были в Фруме. Опять Монмаут был опережен своим противником. Это было большой неудачей, ибо Фрум — город ткачей, явно симпатизирующий восставшим, а теперь королевские солдаты разоружили всех подозрительных, отправили в тюрьму самых смелых, а для тех, кто сдаст оружие, объявили королевскую

---

[1] HMC... Ormond, v. VII, 347.
[2] Iter Bellicosum, 161.
[3] Curtis op. cit., 31.
[4] HMC... of Stopford Sackvill, v. I, p. 22.
[5] Ibid, 14.
[6] Ibid, 16.
[7] CSPD, 230.

милость [1]. Когда Монмаут пришел в Фрум, энтузиазм горожан уже не мог быть поддержан ни оружием, ни амуницией, в которых так нуждалась его армия. Здесь Монмаут узнает, что к Февершэму идут подкрепления и что восстание в Шотландии разгромлено. Именно в эту минуту, если верить Вэйду, Монмаут и задумал бежать. Возможности руководителя восстания были на пределе, в то время как само восстание еще далеко не исчерпало своих возможностей.

Монмаут решил не покидать пределы юго-запада. 1 и 2 июля они провели в Уиллсе. «Много, о, слишком много натерпелись мы от варварства бунтующих фанатиков, которые рано утром 1 июля разрушили орган и превратили священный дом в стойло для лошадей» [2] — читаем в записях капитула Уиллской церкви. Служители этой церкви были не просто наблюдатели, хотя и как таковые оставили ценные свидетельства, хотя бы о том, что причина неудач герцога Сомерсетского не в отсутствии денег, а в том, что «глупые солдаты покидают своих командиров и переходят к бунтовщикам», — они сами принимали участие в событиях, насколько это позволяли сделать их сан и их отношение к происходящему. Еще 18 июня «лучшие люди» Уиллса собрали 100 ф. ст. и каноник вызвался отвезти их королю [3]. А теперь их настигло возмущение и гнев «бунтовщиков».

Восставшие возвращались к тому месту, откуда недавно вышли [4]. Они подходили к Бриджуотеру. Однако ничто не говорило о близкой развязке. Новые рекруты заменили тех, кто покинул армию восставших, королевской администрации по-прежнему приходилось заботиться о том, чтобы население не снабжало восставших провизией, и именно в эти дни Лондон отдает приказ не соприкасаться с «армией бунтовщиков», но тревожить ее, не давая ей собираться [5]. 5 июля Монмаут закрепился в Бриджуотере: выстроены баррикады, установлены пушки на мосту, в замке и в южных воротах—всего-то их было пять пушек [6]. Королевские войска шли по пятам и расположились под Бриджуотером, в деревне Уэстон, среди болот Седжмура. Здесь объявили боевую готовность [7]. К ночи 5 июля заслоны в 40, 50 и 100 всадников преградили дорогу, ведущую в Бриджуотер, один отряд начал занимать переправу через

[1] Iter Bellicosum, 162.
[2] HMC Dean and Chapter of Wells, v. II, 452.
[3] Ibid, 458.
[4] CSPD, 247.
[5] Ibid.
[6] HMC... of Stopford Sackvill, v. II, 14.
[7] Iter Bellicosum, 162—163.

реку, но тут Февершэм получил известие, что Монмаут выступил.

Монмаут был осведомлен о расположении врага одним местным жителем — Ричардом Годфри, ярым приверженцем дела восставших, хорошо знающим эту болотистую местность. Он и обещал незаметно провести восставших в расположение врага [1]. Монмаут собрал военный совет и через подзорную трубу, с колокольни церкви осмотрел место будущей битвы. После дождей установилась ясная погода и Монмаут хорошо видел лагерь Февершэма. Он знал цену регулярным частям, которые собрались под началом королевского командующего. Монмаут сказал на совете, что если бы он имел этих солдат, то не сомневался бы в успехе [2]. Ночью он выступил.

Шеститысячной армии в сплошной темноте предстояло преодолеть несколько каналов и, не нарушая порядка, устремиться в ночную атаку. Естественно, что трудная военная задача не была выполнена с такой легкостью, на какую рассчитывали. Ошибка проводника стоила восставшим драгоценного времени, к тому же нечаянный выстрел лишил их атаку внезапности. Выстрел был услышан вражеским патрулем, который успел дать сигнал тревоги, и битва началась среди Седжмурских болот в ночь с 5 на 6 июля.

Несомненно, битва именно в эту ночь была Февершэму навязана и королевский военачальник не смог бросить в бой сразу те части, которые расположились в стороне от места сражения. К тому же артиллерия, оказавшаяся на Бриджуотерской дороге, не была использована с самого начала. В общем, с королевской стороны в первые часы битвы приняли участие шотландские полки, конница Кирка и отряды Черчилля [3]. Остальные части, например, Уилтширская милиция, снялись с места по первому сигналу тревоги [4].

---

[1] HMC... Portland, vol. I, 158.

[2] Morley, 211.

[3] HMC. Stopford — Sackvill vol. I, p. 8. Отчет Февершэма королю после окончания битвы. Морлей называет 700 человек конницы и 4 тыс. пехоты, но не упоминает о том, что все они не смогли принять участие в битве (Morley, 212). Среди доступных нам материалов мнение этого историка подтверждает лишь одна книга: Lives English and Foreigners, 1704. Там говорится о 4 тыс. пехотинцев, расположившихся между Вестоном и Бриджуотером, но опять умалчивается о том, все ли они приняли участие. Между тем, ряд исследователей склоняется в пользу данных из анонимного отчета о марше Февершэма. Там названа конница в 700 чел. и 1 900 чел. пехоты (HMC, Stopford—Sackvill, vol. I, 19). Армия восставших у Седжмура насчитывала около 6 тыс. чел. (Little, op. cit., p.131). Источники не единодушны в этом вопросе: Вайд и Холмс — командующие полками, называют 4 тыс. и 5 тыс., Гудинаф — казначей армии Монмаута — 6 тыс.

[4] Iter Bellicosum, 163.

Монмаут послал вперед Грэя с конницей, однако огонь противника быстро рассеял их ряды, а Монмаут еще не успел подтянуть к месту сражения всю пехоту. Инициатива была потеряна. Восставшие оказались оттеснены к реке и в сплошной темноте не нашли брода. Это замешательство позволило Черчиллю подготовиться к атаке, но когда он бросил вперед своих солдат, то засевшие в зарослях повстанцы встретили их как ветераны [1]. Они дрались с отчаянием и самоотверженностью, пути отхода были отрезаны рекой. Регулярные части Черчилля не выдержали и повернули назад [2]. Тем временем Монмаут подтянул пушки и сделал это быстрее, чем Февершэм. Повстанцы использовали свою небольшую артиллерию с искусством, неожиданным для врага [3]. Грэй собрал свою конницу и снова предпринял атаку — и снова неудачно. Многие современники считали, что если бы конница держалась так же хорошо, как и пехота, исход битвы был бы не в пользу королевских войск [4]. Время шло, наступал рассвет, восставшие расстреляли все боеприпасы, а обозы застряли где-то по дороге. Монмаут, который умело начал сражение, теперь почти отстранился. Когда рассвело, он бежал с несколькими офицерами, и бой продолжали без предводителя. Февершэм перестроил войска и лучшие части королевской гвардии бросились на восставших, но опять были храбро встречены косами, пиками, мушкетами [5]. Тем временем, королевская артиллерия подтягивалась к месту битвы и как только эта операция была закончена, исход битвы стал ясен. Пушки палили по восставшим, в то время как королевская конница обрушилась на их фланги [6]. И все-таки это еще не было концом сражения. Когда солдаты короля, видя дрогнувшего врага, собрались было разбежаться, чтобы принять участие в грабеже, то получили строжайший приказ под страхом смертной казни не покидать своих постов [7]. И действительно, к вечеру бой разгорелся с новой силой. Но это была последняя попытка обреченных. Вечером 6 июля Февершэм послал донесение королю [8] о «великой победе», как записал в дневнике барабанщик Уилтширской милиции [9]. В донесении говорилось о тысяче

---

1 Curtis, op. cit, p. 41.
2 Lives English... p. 325.
3 Curtis op. cit., 42.
4 Lives English... 325—326.
5 HMC... of Stopford Sackvill, v. I, 18.
6 Ibid.
7 Iter Bellicosum, 62.
8 HMC... of Stopford Sackvill, p.19—20.
9 Iter Bellicosum, p. 64.

человек, которые поплатились жизнью за участие в восстании. «Наши люди все еще убивают их, отыскивая по закоулкам и изгородям»[1]. Королевская сторона потеряла 50 человек убитыми и 200 было ранено, если довериться отчету. И хотя мы не располагаем другой сопоставимой цифрой, есть основания предположить, что в сражении, которое было выиграно королевским командующим только к концу следующего дня, полегло больше солдат.

Началось преследование рассеянных повстанцев. 8 июля взят лорд Грэй. Король не сомневается, что и сам предводитель скоро будет обнаружен и арестован[2]. Действительно, Монмаута захватили на следующий день. Накануне своего ареста он отправил покаянное и унизительное письмо королю, в конце которого рекомендовал направить войска в Чешир для ликвидации остатков тех, кто был причастен к восстанию[3]. Однако и предательство не могло искупить перед королем вину злополучного племянника, который волей или неволей поднял такую смуту в его королевстве. 12 июля парламент осудил Монмаута за высшую измену на казнь, а 15 июля он был обезглавлен у ворот Тауэра[4].

Расправа, начавшаяся сразу после Седжмура, продолжалась все лето и осень 1685 г. К тем, кто был повешен сразу после битвы без суда, прибавились сотни тех, кто был осужден на ассизах. Ассизы вел главный королевский судья Джеффриз, который со своими помощниками проделал путь из Лондона на запад, и там, где они прошли, городские стены были увенчаны для устрашения жителей головами казненных, рыночные площади оглашались стонами бичуемых, а в канцеляриях появились тысячи страниц отчетов об этой операции. Только для Дорсета, Девона и Таунтона эти списки сохранили 2611 имен осужденных, которые прошли через суд Джеффриза[5]. Личность главного судьи неизбежно отпечаталась на характере расправы: грубость допросов[6], жестокость наказания, вымогательства сделали эту операцию не только кровавой, но и экономически выгодной для короля. Деятельность Джеффриза была высоко оценена королем: он получил пост канцлера[7]. Даже среди лояльных современников нашлось немало таких, кто осудил неоправданную кровожадность расправы: «Или Джеффриз был маньяком или уж настолько не-

---

1 HMC... of Stopford Sackvill, 21.
2 CSPD, 255.
3 Original letters of duce of Monmouth... Camden miscellany, v. 8, p. 4.
4 Lives English... p. 102.
5 Little op. cit., 132.
6 Martirology... 1705.
7 Memoirs of Jeffris. L. 1849.

гуманным человеком... Ни от одного судьи не погибало сразу 350 человек»[1]. Помимо казненных и арестованных, сотни людей были проданы в рабство на острова Вест-Индии[2].

Восстание разгромлено и это неудивительно. Больше удивляет, что король так долго не мог с ним справиться. Это самое убедительное доказательство внутренней слабости режима Якова II, хотя он имел возможность подготовиться и с политической, и с военной стороны. Общее недовольство в стране позволило экспедиции герцога Монмаута, организованной скорее легкомысленно, чем серьезно, превратиться в предприятие, ввергшее страну в смуту на несколько недель. На Монмаута легла задача возглавить народное восстание, и это требовало таких способностей, которыми он явно не обладал. Он расходовал политический капитал, нажитый им в оппозиционной борьбе совместно с вигами. Как вождь восстания, он безынициативен, как полководец он нерешителен и непоследователен и завершил свою военную карьеру бегством с поля боя, бросив сражающихся солдат. В чем причина его популярности, когда одно имя собирало под его знамена тысячи волонтеров, главным образом из «простонародья»? Для этого нужно рассмотреть положение тех социальных групп, которые были представлены в армии восставших, а это отдельная специальная проблема.

---

[1] Memoirs of Jeffris, p. 277.

[2] Original Lists of persons... exils, convicted rebells... 1600—1700. N. Y. 1931, p. 317, 335.

СОДЕРЖАНИЕ

Кузнецов Е. В. Политический кризис в Англии конца XIV — начала XV вв. и движение лоллардов 3
Воробьева Е. Д. Английские торговые монополии и борьба против них в парламентах Якова I Стюарта 25
Телегина Э. П. Торговая политика английских колонизаторов в Ирландии в период Реставрации Стюартов 44
Фадеева И. В. Восстание Монмаута 55

Сдано в набор 25/XII 1970 г. Подписано к печати 18/V 1971 г. МЦ 07366.
Заказ 11061. Бумага 60×90¹/₁₆. Объем 5,25 печ. л. Тираж 800. Цена 50 коп.

Дзержинская типография Горьковского управления по печати
Дзержинск, проспект Циолковского, 15

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
3	10 снизу	поричского	норичского
5	5 снизу	получен	получил
23	15 снизу	Eveshan	Evesham
23	17 снизу	Harding	Hardyng
37	5 сверху	(см. стр. 26...	(см. стр. 31...
56	6 снизу	Domestie	Domestic
68	12 снизу	Таунтому	Таунтону
68	11 снизу	Дерсетского	Дорсетского

Заказ 11061. Тираж 800.

Цена 50 коп.